

Код одиночества

Автор:

Антон Леонтьев

Код одиночества

Антон Леонтьев

Алексей Спасович всю свою жизнь посвятил одной цели – мести врагу. Беспринципный нувориш Афанасий Беспалов, пользуясь рассеянностью профессора, отца Алексея, завладел его изобретением и стал самым богатым человеком в России начала XX века. Семья Спасовичей оказалась разорена и погублена, и молодой человек поклялся – Беспалов рано или поздно поплатится за это.

Мог ли Алексей предполагать, какой сюрприз преподнесет жизнь: дочь заклятого врага влюбится в него и даже станет его женой. Планы Спасовича немного изменились, теперь он решил отомстить Беспаловым по-другому...

Так соединились судьбы двух семей, положив начало веку одиночества. Его тщетно пытались преодолеть и Алексей, и его жена Татьяна, ведь там, где ненависть сильнее любви, нет места счастью.

Смогут ли их дети и внуки, не подозревающие о том, что случилось в далеком прошлом, избежать семейного проклятия – одиночества?..

Антон Леонтьев

Код одиночества

...Ибо тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества, не суждено появиться на земле дважды.

Габриэль Гарсиа Маркес

«Сто лет одиночества»

Книга первая

Алексей и Татьяна

Глава 1

Время мести настало! Враг поплатится за свои преступления. Но сумеет ли Алексей сделать, что задумал? Мысли, словно стая хищных птиц, роились в его голове. Только так он сможет побороть сводящее с ума одиночество...

Отдав швейцару свое старое пальтишко, Алексей поднялся по большой мраморной лестнице наверх. Приемная зала была заполнена людьми: он оказался далеко не единственным посетителем в то утро. Алексей чувствовал сильное волнение; взглянув в огромное венецианское зеркало, он увидел собственное отражение – бледный высокий молодой человек в мундире инженера, длинные темные волосы аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб, большие темные глаза, в которых горит странный огонь. Алексей поправил тесный воротничок, натиривший шею, и шагнул в приемную.

И тотчас окунулся в гул голосов. Зажав двумя руками папку, Алексей попытался собраться с мыслями и изобразить полное равнодушие, но у него плохо получалось. Ведь об этом моменте он мечтал долгие годы, столько раз он виделся ему во сне, и вот наконец его давняя мечта сбылась: он – в доме у врага. И пришел он сюда, чтобы врага уничтожить.

Постепенно волнение улеглось, и Алексей осмотрелся. Приемная зала, как он того и ожидал, была обставлена богато и безвкусно – стены обиты пурпурным шелком, на высоких окнах – тяжелые портьеры, несколько картин с видами Урала и Сибири, в центре залы – большая стеклянная витрина, в которой

находится макет одного из заводов, принадлежащих врагу.

Алексей подошел к витрине и внимательно осмотрел ее. Крошечные человеческие фигурки из воска, застывшие перед домнами, в которых бушует огонь из папье-маше. Бронзовая табличка огромных размеров, на которой начертано так, что нельзя не увидеть: «Изображение сталелитейной домны Усть-Кремчужного металлургического завода, собственность Афанасия Игнатьевича Беспалова».

А ведь она могла бы принадлежать мне, подумал Алексей, отворачиваясь. Вернее, она и принадлежит мне, как и множество других заводов и фабрик, обладателем коих является сейчас достопочтенный Афанасий Игнатьевич. Беспалов украл их у отца Алексея! И вот наконец настало время платить по счетам. Он оказался здесь, чтобы покарать врага.

Правая рука молодого человека незаметно опустилась в глубокий карман мундира. Алексей нащупал крошечный бельгийский револьвер фирмы «Лепаж». Он ведь великое множество раз представлял себе, как оказывается один на один с врагом, приставляет к голове револьвер, и враг, упав на колени, начинает слезно просить прощения и каяться, перечисляя свои грехи и сознаваясь в одном из первых, но далеко не последнем преступлении, совершенном больше двадцати лет назад.

Алексей знал, что так легко не выйдет. Однако он должен попробовать, должен отомстить. Смерть отца и матушки, гибель брата и сестры. И во всем виноват враг. Тот самый враг, в доме которого он находился и чьего появления в приемной зале ждал с таким нетерпением. Врагу принадлежал не только этот петербургский особняк на Фонтанке, но не меньше двух дюжин доходных домов как в столице, так и в Москве, а помимо того – четыре банка, несколько страховых обществ, ряд заводов и фабрик, бумагопрядильни, судоходная компания и обширные землевладения в Центральной России, Сибири, на Украине и в Польше.

Враг звался Афанасием Игнатьевичем Беспаловым и был одним из самых богатых, уважаемых и влиятельных деловых людей Российской империи, как, впрочем, и одним из наиболее хитрых. Нувориш по праву считался «химическим королем» страны, он постоянно утверждал, что за химией будущее, и намеревался в течение ближайших двадцати лет завоевать и международный рынок – одной России для него давно стало мало.

Беспалов чем-то походил на американских мультимиллионеров, которые добиваются всего, начиная с самого низа. Так было и с ним – когда-то он был обыкновенным молодым приказчиком, обладающим тем не менее поразительным чутьем. Так он и сколотил первоначальный капитал: хозяин, на которого работал Беспалов, разорился, и его лавка отошла ушлому Афанасию. В дальнейшем он часто использовал такой трюк – втирался в доверие, обольщал, обманывал, а в итоге обирал простаков как липку. А затем судьба свела его с профессором Спасовичем...

Алексей на мгновение закрыл глаза, пытаясь отогнать страшные воспоминания – он открывает дверь кабинета и находит мертвого отца, – но у него ничего не получалось. Ужасная картинка стояла перед глазами. Он твердо сжал рукоятку револьвера. Ну что же, час пробил, господин Беспалов!

Большие часы, стоявшие в углу, давно отсчитали двенадцать ударов, однако хозяин не спешил выходить в приемную залу. Беспалов любил припоздниться – видимо, считал, что в ожидании все должны проникнуться трепетом, ощутить его величие. «Как же это дешево и смешно!» – усмехнулся про себя Алексей. Его глаза неотступно следили за минутной стрелкой. Прошло десять минут, пятнадцать, но Беспалов все не появлялся. А вдруг року угодно, чтобы сегодня ничего не вышло? Тогда весь план Алексея пойдет насмарку. Многие годы, которые понадобились ему, чтобы подобраться к Беспалову и разработать план мести, окажутся потраченными впустую. И эта роковая случайность, что помогла ему обрести чужую личину...

Высокие белые с позолотой двери внезапно распахнулись, появились двое лакеев в смешной старинной форме – зеленое с серебряными позументами облачение, на головах – напудренные парики времен матушки Екатерины. Беспалов, несмотря на то, что являлся миллионером и поднялся на одну из самых высоких ступеней социальной лестницы, в душе оставался плебеем и выскочкой. Поэтому и требовалась помпа, облаченные в ливреи дворецкие, опоздание почти на двадцать минут. А также, как шептались в столице, готовился брак единственной дочери самонареченного «химического короля» с представителем одной из наиболее древних, но обедневших фамилий империи: в планы Беспалова входило породниться с титулованным дворянским родом.

Лакеи замерли по обе стороны дверей, как изваяния, вслед за ними в залу вошел церемониймейстер, одетый не менее опереточно, чем лакеи, и, ударив по

паркету огромным сверкающим жезлом (более походившим, как решил Алексей, на посох царя Берендея из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка»), на удивление писклявым голосом оповестил собравшихся, которые, конечно же, в нетерпении пожирали взглядами странное действо:

– Афанасий Игнатьевич Беспалов!

Раньше, как знал Алексей, церемониймейстер долго и нудно перечислял «титуты» Беспалова – тот разнообразными хитростями удостоился нескольких докторских степеней *honoris causa*[1 - От лат. «ради почета», то есть без представления диссертации.], был кавалером ряда отечественных и зарубежных орденов. Однако после того, как царь, встретившись как-то с Беспаловым, с легкой иронией попенял миллионеру на то, что тот-де устраивает свои выходы не менее помпезно, чем сам самодержец, Афанасий Игнатьевич изменил церемониал: теперь выкрикивалось только его имя – и ничего более, что делало происходящее не менее величественным и, по мнению Алексея, не менее смешным.

Но даже после того, как слуга оповестил присутствующих о том, что вот-вот появится хозяин, Беспалов не счел нужным пройти в приемную залу. Он, как временщик из канувшего в Лету пышного восемнадцатого столетия, заставлял с трепетом ждать собственную персону, цинично полагая, что те, кому он нужен, будут ждать и час, и два, пока он не соизволит возникнуть в поле зрения.

Разговоры в приемной зале стихли, кое-кто даже наклонил голову в оттренированном поклоне, на многих лицах возникли угодливые, сервильные улыбки. Алексею сделалось до тошноты противно, – тем, кто добивается милостей от Беспалова, остается при его появлении только склониться в поклоне или, лучше всего, пасть ниц, приветствуя его, как какого-нибудь восточного сатрапа или египетского фараона.

Но ведь и ему самому, чтобы привести в исполнение план, потребуется унижаться перед Беспаловым. Готов ли он к расшаркиванию перед человеком, который виноват в трагедии, случившейся с его семьей, с человеком, обокравшим отца и заставившим профессора Спасовича покончить с собой?

Алексей замер у витрины, чувствуя, что никакая сила не заставит его склонить голову перед Беспаловым. Наконец появился тот, кого он больше всего

ненавидел и кто являлся для молодого человека врагом, – Афанасий Игнатьевич Беспалов собственной персоной.

Алексей много раз видел его изображения – то в газетах, то в синематографе, во всех магазинах или банках, принадлежащих Беспалову, на видном месте, подле изображения государя императора, висел портрет хозяина. И вот он оказался лицом к лицу с врагом!

Беспалову было под пятьдесят, однако выглядел он старше, видимо, из-за густой седеющей бороды. Высокого роста, практически лыс, орлиный нос и глубоко посаженные голубые глаза придавали лицу хищное выражение. Одет миллионер был безукоризненно, по последней парижской моде – в светло-серый приталенный пиджак, который не мог скрыть мощную фигуру Беспалова, начинавшего когда-то в Сибири с того, что сплавлял плоты по бурным рекам. На одном из пальцев правой руки сверкал перстень с огромным рубином, на другой – с гигантским бриллиантом. «Надо же, какая безвкусица», – подумал Алексей, понимая, однако, что украшения стоят не меньше, чем петербургский особняк, в котором он сейчас находится.

Враг получал явное удовольствие от собственного триумфа – голубые глаза смотрели дерзко и нахально, а на лице, словно высеченном из камня, были написаны превосходство, пресыщенность и скука. Алексей только крепче сжал рукоятку револьвера.

Беспалова тотчас окружили посетители, пытаясь донести до него суть своих просьб. Алексея от Беспалова отделяла колышущаяся человеческая волна, преодолеть которую он даже при желании был бы не в состоянии.

В этот момент в приемную залу вошел невзрачный тип – с сутулой спиной, рыжеватой козлиной бородкой, в затертом мундире. Окинув его взглядом, Алексей тотчас забыл о нем, однако внезапно услышал громкий дрожащий голос:

– Расступитесь, сволочи!

Необычное в подобной ситуации обращение «сволочи» вызвало легкое недоумение среди собравшихся. Оказалось, что слова были произнесены тем самым субъектом с рыжеватой бородкой, что явился на прием к Беспалову последним.

Хозяин, мгновенно оценив ситуацию и поняв, что перед ним находится возмутитель спокойствия, кивнул лакеям, и те, как церберы, устремились на посетителя с явным намерением скрутить его и спустить с лестницы. Однако еще до того, как лакеи настигли его, тип вытащил из кармана правую руку, и в ней оказался револьвер, как две капли воды похожий на тот, что был у Алексея.

– Стоять! – заявил он и, воздев оружие к потолку, выстрелил.

Последовал оглушительный треск, и все в приемной зале замерли, как будто были то не люди, а каменные изваяния. Довольный произведенным эффектом, бородатый тип оттолкнул в сторону одного из посетителей и заявил:

– Кто хочет жить – в сторону! Мне нужен капиталист-кровопийца Беспалов.

Посетители, только что окружавшие Афанасия Игнатьевича, как дрессированные собачки окружают в цирке укротителя, немедленно расступились, замороженно наблюдая за происходящим. Тип приблизился к Беспалову, более походившему сейчас на собственный скульптурный портрет, и развязно произнес:

– Ну, эксплуататор рабочего класса, пришел конец твоему владычеству!

Он направил на Беспалова револьвер, и по залу пронесся стон.

– Что, страшно, гнида? – продолжал субъект, который, как понимал наблюдавший за происходящим Алексей, являлся террористом-революционером.

К угрозе со стороны левых подпольных организаций давно привыкли и с ней даже отчасти смирились, невзирая на то, что жертвами подобных безумцев в разное время стали император Александр II, его сын, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, министр внутренних дел Плеве, а чуть более двух месяцев назад премьер империи Столыпин.

Алексею была отлично видна спина субъекта, грозившего револьвером Беспалову. Надо же, ведь он сам мечтал об этом – оказаться с оружием один на один с врагом. Однако его фантазии не сбылись – Беспалов вовсе и не думал плакаться или каяться, вымаливать собственную жизнь или трусливо убежать: миллионер стоял как столб, впери в террориста тяжелый взгляд голубых глаз

из-под густых бровей.

– Господа... – начал революционер и поправился: – Я хотел сказать – товарищи! Перед вами находится типичный представитель класса эксплуататоров, угнетатель рабочего класса, воротила, наживающийся на чужих страданиях и строящий свое миллионное благосостояние на крови наших с вами братьев и сестер...

– Заткнись, сопляк, – раздался бас Беспалова, и террорист, ошарашенный незапланированной реакцией жертвы, даже покачнулся. Миллионер, лоб которого пересекла поперечная морщина, продолжил негромко, но его голос разносился по всей приемной зале, ибо в ней царила гнетущая тишина: – А ты, как я вижу, представитель касты неудачников, лентяев и умственных импотентов. Вместо того чтобы вырваться из болота, в котором ты оказался, предпочитаешь валить собственные грехи на других, считаешь, что, уничтожив парочку богатеев, сотворишь для народа добро? Да народ чихать хотел на таких лодырей и идиотов, как ты!

– Что вы... что ты себе позволяешь? – в смятении произнес революционер. – Вы... ты должен молчать, когда я произношу речь! Я тренировался долго...

Беспалов, закинув голову назад, расхохотался, и от этого холодного смеха по спине у Алексея пробежали мурашки.

– Ты, вошь, даже убить меня, капиталиста и вурдалака, сосущего соки из рабочего класса, не можешь, – сказал он жестко. – Так что давай, охламон, стреляй в меня. Ну, слышишь, стреляй. Живо, стреляй!

Беспалов, ухмыляясь, смотрел в глаза революционеру. Тот, первым не выдержав, отвел взгляд. Рука, в которой был зажат револьвер, дрогнула. Вот и все, подумал Алексей. Со мной было бы то же самое – я бы не смог спустить «собачку». И не потому, что убить человека так сложно, а оттого, что Беспалов демонстрирует моральное превосходство и ни капельки не боится. Да, план Алексея пошел прахом...

– Ну что, козлобородый, кишка тонка? – спросил с усмешкой капиталист. Затем он протянул руку к революционеру и потребовал: – Отдай мне револьвер и катись на все четыре стороны. Я даже в полицию на тебя заявлять не буду. Иди

к своим единомышленникам-придуркам и сообщи, что Беспалов никого не боится – ни бога, ни черта, ни таких бастардов, как ты, уж точно! Эх, даже застрелить врага рабочего класса не в состоянии!

Революционер, весь запал которого уже прошел, был готов вручить Афанасию Игнатьевичу револьвер, как вдруг раздался властный женский голос:

– Степан, не смей делать этого!

Алексей обернулся и увидел девушку вряд ли старше двадцати, ослепительно красивую, стоявшую на пороге приемной залы. Завидев ее, рыжебородый революционер расплакался и простонал:

– Верочка, я не могу! Я просто не могу...

– Зато я смогу, – твердо ответила та и уверенным шагом подошла к своему трясущемуся единомышленнику.

В руках она держала большой черный портфель. Расстегнув его, девица вынула из него странное приспособление, взглянув на которое Алексей тотчас понял (все-таки его профессия – инженер): адская машина, причем колоссальной силы!

Беспалов переменялся в лице, Алексей уловил на нем замешательство и даже легкую тень страха. Еще бы, ведь юная бомбистка, в отличие от козлородного, была явно готова идти до конца. А взрыв в особняке лишит жизни если не всех присутствующих, то очень-очень многих.

– Прошу вас, послушайте... – начал Беспалов уже заискивающим тоном, но девица, сноровисто соединив проводки в адской машине, оборвала миллионера:

– Придется приводить в исполнение план «Б». Я давно мечтала о том, чтобы избавить землю от такого гада, как вы, господин Беспалов.

– Но погибнут другие, ни в чем не повинные люди... – заявил соратник девицы, на что та холодно ответила:

– Это будут первые жертвы новой революции. Итак, Афанасий Беспалов, революционный трибунал приговаривает вас к смерти за нещадную эксплуатацию рабочего класса и беззастенчивое стяжательство. Приговор надлежит привести в исполнение немедленно.

Девушка прижала бомбу к груди, и в тот момент, когда она была готова взорвать ее, Алексей, повинаясь более инстинкту, чем разуму, вытащил из кармана револьвер и выстрелил в революционерку. Та, вскрикнув, осела на пол. Беспалов, рыча, бросился на девушку – Алексей заметил, что «химический король» схватил ее за горло и пытается удушить.

Среди посетителей возникла паника, гости устремились к выходу, отпихивая друг друга, крича, галдя и ругаясь. На подмогу Беспалову подоспели лакеи, скрутившие истекавшую кровью девушку (пуля попала ей в плечо).

Рыжебородый революционер, на которого уже никто не обращал внимания, на карачках подполз к адской машине, лежавшей на паркете, схватил ее и, выпрямившись, дико заорал:

– Теперь я не боюсь умереть! Имя мое войдет в историю, я стану вторым Каракозовым или третьим Гракхом! Сдохни, капиталист поганый!

И вслед за тем он запел по-французски «Марсельезу». Тонкий палец бомбиста опустил на кнопку, он, выкрикивая слова революционной песни, нажал ее и... Ничего не последовало. Беспалов, замерший около недвижимо лежащей девушки, крикнул слугам:

– Скрутите болвана! Их бомба ни черта не работает. Да уж, с такими криволапыми только мировую революцию делать – даже адскую машину нормальную собрать не в состоянии, дилетанты:

Но в тот момент, когда к рыжебородому метнулся один из лакеев, из адской машины повалил серый дым. Внутри ее пронзительно зажужжало, и Алексей понял: бомба сейчас сработает. Лакей застыл в ужасе, а затем шмякнулся на пол, сорвав парик и закрыв им лицо.

Алексей же метнулся к революционеру, продолжавшему распевать «Марсельезу», со всей силы толкнул его. Рыжебородый пошатнулся, Алексей

толкнул его еще раз, намного сильнее, чем в первый. Машина оглушительно трещала, из нее сыпались искры, и серый дым сменил цвет на черный. Алексей прыгнул на революционера, увлекая его к большому окну, – затрещали рамы, послышался звон разбитого стекла, вопль рыжебородого, летевшего вниз... Алексея от падения в последний момент удержало то, что он запутался в тяжелых портьерах. В лицо ему ударил холодный ветер, грудь напоролась на стекло – и раздался оглушительный взрыв, который ослепил молодого человека и накрыл его, словно саваном...

Глава 2

Профессор неорганической химии Петровской академии Павел Алексеевич Спасович познакомился с Беспаловым в июле 1891 года. Беспалов, в то время начинающий коммерсант, сам навел его в небольшом особняке в Трехпрудном переулке, где профессор снимал верхний этаж.

Беспалов сразу же понравился профессору Спасовичу – моложавый, но такой солидный, уверенный в себе выходец из народа, самоучка – если уж не новый Ломоносов, так во всяком случае – новый Вандербильд. Целью визита коммерсанта Беспалова (к тому времени обобравшего хозяина писчебумажной лавки, где он начинал приказчиком) были исследования профессора, о которых писали в газетах. В «Московских ведомостях» сообщалось, что Павел Алексеевич сделал доклад на заседании Академии наук, где поведал о совершенно новых перспективах в химической индустрии. Правда, доклад был принят маститыми коллегами более чем прохладно – профессора Спасовича считали фантазером и таким московским Жюль Верном, который смешивает реальность с выдумкой и выдает желаемое за действительное. Поэтому и тон статьи был снисходительно-поучительный, и делался вывод, что предложенные профессором новации в химической сфере никогда не будут осуществлены, ибо утопичны, чрезвычайно дорогостоящи и, собственно, совершенно излишни для человечества в целом и для Российской империи в частности.

Павел Алексеевич, который вначале упорно не желал принимать Беспалова, почему-то считая его репортером, намеревавшимся опубликовать еще один злобный пасквиль, наконец согласился увидеть просителя, заявив, что в состоянии уделить ему не более четверти часа.

Когда три с половиной часа спустя, уже поздним вечером, гость покинул кабинет профессора, Павел Алексеевич, проводив гостя до калитки, где долго тряс ему руку, вернулся в апартаменты и сообщил супруге, Лидии Гавриловне, как раз укладывавшей спать пятилетнего сына Алешу:

– Лидочка, душа моя! Этот бесподобный человек, Афанасий Игнатьевич Беспалов, послан нам небом. Хотя, как ты знаешь, я в Бога не верю, почитая его выдумкой человеческого мозга, который не в состоянии адекватно оценить и объяснить все процессы окружающего нас мира.

Лидия Гавриловна, зная за супругом отвратительную привычку изъясняться витиевато и путано, приготовила цветочный чай, испив которого профессор наконец выложил детали беседы с Беспаловым. Оказывается, тот был пленен гением профессора Спасовича, уверял, что полностью согласен с выводами его доклада, и, самое важное, обещал финансово обеспечить работу в лаборатории, дабы Павел Алексеевич имел возможность доказать свою теорию.

Беспалов не обманул: работа началась ровно через неделю после сей знаменательной встречи. Он выкупил у хозяйки, генеральской вдовы, особняк, где обитал профессор Спасович, и оплатил переделку первого этажа, подвала и сарая под лабораторию. Профессор души не чаял в своем «милом меценате», как он теперь именовал Беспалова. Тот же уверил профессора, что ему не о чем беспокоиться, а задача ученого состоит в том, чтобы усердно работать над практическим воплощением теоретических выкладок.

Так прошло полтора года – к тому времени в семействе Спасовичей появилось пополнение: Лидия Гавриловна родила в ноябре 1892 года очаровательных двойняшек, Гаврюшу и Олечку, названных в честь деда с отцовской и бабки с материнской стороны, появления на свет внуков так, увы, и не дождавшихся.

Подрастающий первенец Алексей был живо увлечен работой отца, по многу часов пропадал вместе с ним в лаборатории, и профессор был уверен – старший отпрыск пойдет по его стопам!

В конце весны 1893 года исследования увенчались успехом. Правда, не тем, о котором мечтал Спасович: одним из побочных и вообще-то не запланированных им открытий была взрывчатка, по мощности превосходившая все тогда существовавшие. Профессор был разочарован – он ведь бился над созданием

нового синтетического красителя, – поэтому отнесся к своему открытию без энтузиазма и даже поведал о нем Беспалову только месяц спустя после первого удачного эксперимента.

Афанасий Игнатьевич в порыве радости даже расцеловал профессора и тотчас потребовал продолжить работу над взрывчаткой.

– Но, мой друг, эти милитаристские штучки меня совершенно не занимают, – заявил ученый. – Краситель намного важнее и...

– В сторону краситель, профессор! – отрезал Беспалов. – Не забывайте, что вы работаете на меня и ваши эксперименты оплачиваются из моего кармана!

Беспалов тотчас почувствовал возможность неслыханно обогатиться – шведский коммерсант-изобретатель Нобель, много лет проведший в России, был для него путеводной звездой. Взрывчатка, причем новая, чрезвычайно мощная, поможет заработать миллионы! И это будет только начало – Афанасий Игнатьевич в том нисколько не сомневался.

Еще через три года (взрывчатка к тому времени уже весьма успешно продавалась по всему миру) профессор наконец презентовал Беспалову долгожданный краситель, а помимо того, еще несколько чрезвычайно интересных проектов. К тому времени Беспалов обзавелся собственным особняком в Первопрестольной, по размерам лишь немногим уступавшим Кремлю. А профессор Спасович продолжал жить все в том же доме, что и во время первой встречи с Беспаловым.

Павел Алексеевич всегда чурался разговоров о деньгах, считая это проявлением дурного воспитания. Но двое его младших детей, Гаврюша и Олечка, были болящими, им требовалось пребывание на курортах Франции и Италии, а также в высокогорных клиниках Давоса. На лечение требовались большие деньги, вот почему профессор и завел в конце концов с Беспаловым разговор о своей части гонорара с прибылей, получаемых за продажу взрывчатки.

Беспалов выслушал профессора, не перебивая, и сказал:

– Я обеспечу вашим детям лечение за границей, профессор, можете не сомневаться.

Конфузясь, Спасович тем не менее продолжил:

– Милый друг Афанасий Игнатьевич, если я правильно понимаю, со взрывчатки, разработанной мной, вы имеете большую прибыль. Даже очень большую. О вас говорят, что вы – миллионер... И мне хотелось бы знать, имею ли я право на какую-либо часть доходов от ее продажи. Нет, вы не подумайте, я не о себе пекусь, не о своем комфорте, а о детях!

Беспалов выложил перед профессором бумаги и, ткнув в них, заявил:

– Профессор, вот тут ведь ваша подпись?

– Да, да, припоминаю, я что-то подписывал, – кивнул Спасович, пытаясь вникнуть в казуистические формулировки.

– Согласно одному договору было образовано акционерное общество, в котором держателем ста процентов акций являюсь я, – сказал Беспалов. – И вы дали на это согласие. Разве забыли? Если даже и запамятовали, то у меня имеется еще один документ. Вот он!

Павел Алексеевич, чувствуя себя крайне неловко, прямо-таки разбойником с большой дороги, все же заметил:

– Но, милый друг, вы ведь сами предложили мне передать вам все права, потому как не желали отягощать меня ведением бухгалтерии...

– Решение приняли вы самостоятельно, профессор, – парировал Беспалов. – И вот еще один контракт. В соответствии с ним все изобретения, совершаемые вами, являются собственностью упомянутого акционерного общества...

– Владельцем которого являетесь снова вы, милый друг! – удрученно произнес профессор. – Но как же так получается: я, изобретатель, остаюсь с носом, а вся прибыль идет вам? О, не подумайте, что я алчен, однако меня, надо признаться, фраппировала подобная ваша... – Спасович запнулся, подыскивая эвфемизм к слову «беззастенчивость».

– Профессор, давайте закончим бессмысленный разговор, – хлопнул рукой по столу, по стопке некогда подписанных ученым бумаг Беспалов. – Итак, по договору вы работаете на меня, и все изобретения, совершаемые вами вплоть до вашей смерти, принадлежат мне. Я обеспечиваю вас финансово, как указано в договоре, «надлежащим образом», вы поставляете мне идеи. Прибыль за сбыт идей на рынке идет мне. Желаю всего наилучшего!

Беспалов откланялся, и профессор Спасович понял, что попался в ловушку: «милый друг» и «русский меценат» оказался подлым стяжателем, заботящимся исключительно об одном – о своих собственных барышах. Однако «глава акционерного общества» отправил-таки Лидию Гавриловну и двух младшеньких детишек ученого за границу на лечение, а взамен потребовал от профессора в течение двух месяцев завершить разработку нового способа легирования стали.

Из Швейцарии Лидия Гавриловна вернулась окрыленная: на курорте она познакомилась с родной сестрой французского банкира, которая свела госпожу Спасович со своим братом, сразу же выразившим желание взять под опеку профессора.

– Подумать только, он предлагает нам переехать в Париж! – заявила Лидия Гавриловна. – У тебя будет своя лаборатория, обставленная по последнему слову техники, а не этот курятник, который оплатил Беспалов. Патенты будут идти на твое имя, и ты будешь получать твердый процент за сбыт своих изобретений по всему миру строго в соответствии с количеством проданных образцов! А значит, Паша, ты наконец получишь то, что тебе и так причитается! Нужно только одно – уйти от Беспалова!

О том, что он не намерен более работать на «милого мецената», профессор сообщил Афанасию Игнатьевичу спустя три недели. Реакция Беспалова была более чем странная:

– Профессор, вы никуда не можете уйти, потому что согласно договору я-то могу вас уволить, а вы покинуть меня – нет.

– Но это же рабство какое-то, как в Древнем Египте! – возмутился Спасович. – А ведь мы живем в конце девятнадцатого века.

– Можете подать на меня в суд, – оскалил желтоватые крепкие зубы Беспалов, – но, во-первых, процесс будет длиться много лет, а во-вторых, даю вам гарантию: решение все равно будет принято в мою пользу.

– Вы... Вы гнусный, мерзкий субъект... – произнес, отшатываясь, Павел Алексеевич.

– И ваш хозяин, профессор, – ухмыльнулся Беспалов. – Так что забудьте о Париже и принимайтесь за работу! Мне нужны результаты. Вы ведь хотите, чтобы ваши детишки ездили за границу на лечение? Так-то. Работайте!

Павел Алексеевич был из разряда таких людей, которые могут долгое время терпеть оскорбления, но в определенный момент, когда чаша их терпения переполняется, становятся неуправляемыми. Так и произошло с ним после знаменательного разговора с Беспаловым – профессор в тот же день телеграфировал в Париж, что принимает предложение господина банкира. А следующим утром отослал Беспалову чрезвычайно сухое, написанное официальным слогом письмо, извещавшее, что он более не намерен работать с ним.

Затем профессор и его семья стали готовиться к отъезду во Францию: Лидия Гавриловна предвкушала жизнь в Париже, а Павел Алексеевич не сомневался, что одержал викторию над беспардонным Беспаловым.

Глава 3

Однако он ошибся – через день в особняк к Спасовичу заявила делегация из нескольких адвокатов, сопровождаемых полицейскими. Павлу Алексеевичу предъявили постановление суда, согласно которому все его имущество переходило в собственность Афанасия Игнатьевича Беспалова – оказывается, тот тайком скупил долговые расписки профессора и являлся хозяином положения.

Профессор был ошарашен. Более того – напуган. Адвокаты объяснили ему, что если он вместе с семьей покинет пределы Российской империи, то его будут

преследовать в судебном порядке как злостного неплательщика и беглого должника. Единственный для него выход из сложившейся ситуации – по-прежнему батрачить на Беспалова. Адвокаты пригрозили грандиозным скандалом и шумным судебным процессом, если Павел Алексеевич все же надумает покинуть Россию.

Поездка во Францию была отменена – семья профессора Спасовича осталась в Москве. Потянулись унылые, серые, однообразные дни, полные тягот и лишений: профессор поднимался ни свет ни заря и отправлялся в лабораторию, чтобы трудиться над новыми формулами и химическими опытами. Он оповестил французского банкира о том, что по семейным обстоятельствам не может принять его предложение, а в действительности Павел Алексеевич просто не мог допустить, чтобы его жена и дети оказались замешаны в судебное разбирательство и возможный скандал.

Подобная тяжелая ситуация плохо отразилась на здоровье не только самого профессора, но и его младших отпрысков. Гаврюше и Олечке требовалось солнце и теплый климат, и Павел Алексеевич, перешагнув через свою гордость, униженно просил Беспалова оплатить поездку жены и детишек за границу. Но на этот раз Афанасий Игнатьевич ответил грубым отказом:

– Профессор, вы намеревались предать меня и теперь хотите, чтобы я относился к вам как к другу? Не бывать такому! Вы, между прочим, выбились из графика. Вот заканчивайте побыстрее ваши исследования искусственного каучука, и тогда, может быть, ваши отпрыски поедут в Италию.

Беспалов практически шантажировал профессора, понимая, что ради благополучия детей тот пойдет на что угодно. Но так было угодно судьбе, что опыты в лаборатории закончились трагедией – в результате невнимательности одного из помощников профессора не были соблюдены меры безопасности и произошел взрыв, в результате которого пострадал только один человек – сам Павел Алексеевич. Он был ранен в голову и потерял возможность видеть. Причем врачи только разводили руками: ему повезло, что он вообще остался в живых. Вернуть ученому зрение доктора были решительно не в состоянии.

Для Беспалова произошедшее являлось подлинной катастрофой: он потерял своего лучшего ученого (к тому времени на миллионера работал уже целый штат химиков), а исследования завершены не были. Капиталиста нимало не заботило то, что профессор искалечен, а его семья находится в бедственном

положении. Посетив Спасовича в больнице, Беспалов застал профессора в подавленном состоянии духа.

– Не ради себя прошу, – тихо заговорил ученый, лежа с повязкой на глазах, – но ради своих детей. Им требуется пребывание на курорте. Я знаю, Афанасий Игнатьевич, вы можете подарить им поездку:

– Профессор, на ваше лечение и так было пущено много денег, – отрезал Беспалов. – Вы на полном серьезе ожидаете, что я буду заботиться о ваших отпрысках? Мне нужно, чтобы вы завершили исследования!

– Но вы же понимаете, сейчас я не в состоянии... – начал Спасович.

– В произошедшем вы сами виноваты, – перебил его Беспалов, – и не думайте, что я буду вас жалеть. Вы потеряли глаза, а не мозг, поэтому можете отдавать распоряжения, которые будут выполнять ассистенты. Думаю, завтра вы можете продолжить работу!

– Но как же лечение для Гаврюши и Олечки? – начал профессор, но в ответ услышал лишь стук закрывшейся двери. Беспалов уже покинул палату.

Потеря зрения была не единственной бедой, обрушившейся на Павла Алексеевича, – его терзали ужасные головные боли, облегчить которые могли только большие дозы морфина. Профессор никак не мог сконцентрироваться, он потерял прежнюю остроту ума и часами лежал на кровати, думая только об одном – когда же боль отступит. Вряд ли в таком состоянии он мог руководить проведением экспериментов и давать устные указания.

Профессора выписали из больницы, и он вернулся домой, где о нем самоотверженно заботились супруга и старший сын. Однако несчастный случай изменил характер Спасовича – Павел Алексеевич сделался раздражительным, нетерпимым, жестоким. Он требовал от жены, чтобы она постоянно увеличивала дозу морфия, поэтому неудивительно, что всего за несколько недель профессор превратился в наркомана.

Узнав об этом, Беспалов снова навестил Спасовича. Миллионер поразился изменениям, произошедшим с Павлом Алексеевичем: тот исхудал, волосы поседели, он перестал следить за собой. Беспалов коротко бросил ему:

– Профессор, вы больше мне не нужны. Я нашел себе нескольких весьма многообещающих молодых ученых, которые продолжат ваши исследования.

– Но что же будет с моей семьей? – спросил Спасович.

Беспалов брезгливо глянул на ученого:

– Меня это более не интересует. Завтра к оплате будут предъявлены ваши векселя, а дальше делайте что хотите!

Он сдержал свое слово: на следующий день судебный пристав известил профессора Спасовича, что ему дается два дня, дабы погасить долги в размере двадцати тысяч рублей. Профессор заперся в кабинете и не желал никого видеть. Он знал, что у него остался только один путь, чтобы спасти семью от нищеты.

Поздно вечером, после бесплодных уговоров мужа открыть дверь, Лидия Гавриловна услышала выстрел. Она бросилась к двери кабинета, принялась стучать, но муж не откликнулся. Рядом с ней был старший сын Алексей – подросток, которому тогда было десять лет, – он понимал, что произошла трагедия. Он выбежал из дома, обогнул его и бросился к окнам кабинета, который, к счастью, располагался на первом этаже. Мальчик схватил камень и швырнул его в окно. Стекло жалобно зазвенело. Алексей вскарабкался на подоконник и, раздвинув шторы, закрывавшие окно изнутри, проник в кабинет.

Горел ночник – профессор сидел на стуле, зажав в руке пистолет и уронив голову на грудь. Казалось, он спал, однако Павел Алексеевич был мертв – он покончил с собой. Словно замороженный, мальчик приблизился к отцу – и увидел кровь, накапавшую на пол из округлой темной раны на виске.

Алексей отомкнул дверь кабинета, впуская мать. Лидия Гавриловна, уже чувствовавшая неладное, потеряла сознание, увидев покончившего с собой мужа. На столе обнаружилось многостраничное письмо, в котором профессор обращался к жене и детям, умоляя простить его: уходя из жизни таким образом, он хотел обеспечить их будущее, ибо много лет назад застраховался на пятьдесят тысяч рублей золотом. Сумма должна быть выплачена в случае кончины профессора его семье.

То ли суицид мужа оказал на Лидию Гавриловну ужасное воздействие, то ли дало знать о себе напряжение последних месяцев, но с того дня у нее регулярно стали повторяться долгие обмороки. Быстро развивалась потеря ориентации в пространстве и времени, начались провалы в памяти: несчастная мать часто не узнавала собственных детей и несла чушь, беседуя с доктором или знакомыми.

Профессор, как выяснилось чуть позже, совершил роковую ошибку – в страховом полисе имелся пункт, о котором он, видимо, забыл: деньги не выплачиваются в случае самоубийства. А так как отрицать факт, что Павел Алексеевич покончил с собой, было невозможно, то страховое общество наотрез отказалось выплачивать деньги.

Более того, страховое общество принадлежало Беспалову, и Афанасий Игнатьевич навестил вдову своего некогда лучшего друга. Алексей стал свидетелем разговора матери с миллионером – мальчик притаился на лестнице, внимая каждому слову. Беспалов вел себя нахально, если не сказать цинично. Он заявил вдове в лицо, что профессор оказался слабаком и трусом, раз предпочел покончить с собой.

– Только неудачники и неумехи выбирают такой легкий путь, – заявил он, – и уж поверьте мне, настоящий мужчина всегда найдет выход из ситуации, какой бы запутанной и безвыходной она ни казалась. Но ваш супруг, сударыня, проявил свою глупость в полной мере!

Мальчик, глотая слезы, вцепился руками в деревянные балясины, Алексея так и подмывало ринуться вниз и броситься на Беспалова. Однако что мог поделаться он, худой и щуплый подросток, со взрослым мужчиной, обладающим к тому же недюжинной физической силой?

– Афанасий Игнатьевич, если вы пришли сюда, чтобы терзать меня, то прошу вас удалиться, – срывающимся голосом ответствовала вдова. – Вы прекрасно знаете, что мой муж покончил с собой, дабы... Дабы спасти нас от нищеты!

Беспалов громко расхохотался:

– В действительности же он бросил вас на произвол судьбы, потому что не смог справиться с ситуацией. Клянусь вам, мне такое не грозит – я никогда не потеряю контроль над собой до такой степени, чтобы решиться на столь

идиотский поступок, как самоубийство. К тому же вашему супругу стоило получше читать страховой договор. Ах да, пардон, я запамятовал; профессор ведь лишился зрения!

И снова по комнате разнесся хохот миллионера.

– Что будет с нами? – спросила Лидия Гавриловна. – Вы ведь сжалитесь надо мной и моими детьми? Двадцать тысяч, которые был должен вам Павел, для такого человека, как вы, сущий пустяк...

– О, вы хотите, чтобы я простил вам долг? Ни за что! – нагло бросил Беспалов. – Вы будете его выплачивать до последней копейки, сударыня. Кстати, хотите, раскрою вам секрет? Вообще-то ваш муж был прав, пустив себе в голову пулю, – ранее полис предусматривал выплату даже в случае самоубийства. Однако страховое общество, как вы знаете, с недавних пор принадлежит мне, поэтому по моему приказанию были осуществлены кое-какие нововведения...

– Вы сами сознаетесь, что обманули нас! – вскрикнула Лидия Гавриловна. – Я немедленно сообщу об этом нашему адвокату!

– У вас имеется адвокат, сударыня? – заявил Беспалов. – Вот уж не знал, право. Ничего вы никому не сообщите! А даже если и сделаете сие, то учтите: вас будут судить за клевету и диффамацию. Вы никогда ничего не докажете. Но я явился сюда вовсе не для того, чтобы вести с вами разговор о вашем муже-неудачнике. Мне отлично известно, что у него остался архив, который вы куда-то припрятали, сударыня. Подозреваю, вы намереваетесь продать его подороже заинтересованным лицам из-за границы.

– Мне ничего не известно, – пролепетала Лидия Гавриловна.

Алексей знал, что маменька обманывает: он сам был свидетелем того, как она днем раньше складывала в коробки бумаги в кабинете отца, а затем отнесла их на чердак.

– Ну вот что, не изображайте из себя дурочку, – заявил Беспалов. И вслед за тем раздались странные звуки.

Алексей услышал их и бросился вниз по лестнице. Влетев в комнату, он увидел гостя, нависшего над Лидией Гавриловной. Миллионер сжимал огромной пятерней ее горло, приговаривая:

- Ну, а теперь память у вас прояснилась, мадам?

Лицо матушки посинело, изо рта вырывались хрипы, но женщина ничего не могла противопоставить силе Беспалова. Алеша бросился на мужчину и ударил его кулачком по спине. Тот обернулся и, заметив мальчика, закатил ему такую затрещину, что ребенок повалился на пол.

- Мой сын... - простонала Лидия Гавриловна, пытаюсь подняться из кресла.

Беспалов толкнул ее обратно и прошипел:

- Если хотите, чтобы с вами и вашим сыном все было в порядке, отдайте бумаги. Иначе пеняйте на себя!

Вдова профессора поняла: угрозы Беспалова более чем реальны. Поэтому она призналась, что спрятала архив на чердаке. Беспалов, побывав там, подхватил большую коробку, как пушинку, и на прощание сказал:

- На вашем месте я бы не стал распространяться о том, что здесь произошло, сударыня, потому что доказательств у вас все равно нет. Так и быть, я прощаю долги вашего покойного мужа, но особняк принадлежит мне, и вы живете здесь по моей милости. У вас имеется три дня, чтобы собрать манатки и уехать прочь. И не забывайте, у вас ведь имеются дети!

Последняя фраза являла собой ничем не прикрытую угрозу - Беспалов намекал Лидии Гавриловне, что ей и ее отпрыскам не поздоровится, если она будет судиться с ним или обратится к прессе.

Синяк, который образовался на лице Алексея от удара Беспалова, сходил в течение последующих трех недель. Тогда-то мальчик и поклялся, что Беспалов понесет заслуженное наказание, но Лидия Гавриловна сочла слова сына детской блажью.

– Не смей и думать об этом! – воскликнула она. – Беспалов владеет половиной Москвы, пройдет еще несколько лет, и ему будет принадлежать половина России.

Глава 4

Семейство покойного профессора покинуло особняк и переехало к двоюродной сестре Лидии Гавриловны. Та и ее муж отнюдь не были рады тому, что им пришлось приютить бедных родственников.

Несчастья сломили Лидию Гавриловну. Но хуже всего то, что несчастная мать вынуждена была наблюдать за тем, как Олечка и Гаврюша слабеют с каждым днем. Так продолжалось около года, пока их не отправили в больницу, причем доктора уверяли: надежды на исцеление практически нет. Детям требовалось дорогостоящее лечение, солнце и фрукты, что Лидии Гавриловне было не по средствам. К тому времени кузина уже выставила ее за дверь, и вдова профессора со старшим сыном поселились в крошечной камере в Раменском.

Приговор медиков стал для Лидии Гавриловны еще более страшным ударом, чем смерть мужа. Женщина теперь большую часть дня пребывала в забытьи, и домашние заботы лежали на сыне. Алексей, как мог, поддерживал матушку, а через пару недель, когда младшие брат и сестра умерли, он боялся сообщить ей печальное известие: вдруг Лидия Гавриловна впадет в истерику...

Ее реакция оказалась совершенно неожиданной: узнав о кончине близняшек, Лидия Гавриловна только и сказала:

– Дети? Какие дети? У меня нет детей, я ведь не замужем!

Во время отпевания и похорон, состоявшихся в промозглый ноябрьский день, когда из свинцовых туч, занавесивших небо, лил нескончаемый дождь, матушка вела себя более чем странно – она постоянно дергала Алексея, стоявшего около нее, и спрашивала:

– Сударь, скажите, кого здесь хоронят?

Подросток понял: его матушка окончательно тронулась рассудком. И хотя у нее бывали моменты просветления, они, однако, быстро проходили, снова уступая место затмению разума. Лидия Гавриловна, как сказал один из врачей, осмотревших ее, не сумела справиться с чередой горестей, выпавших на ее долю, и предпочла удалиться в мир фантазий, в которых она была молодой, незамужней девицей.

Алексею было очень жаль матушку, тем более что после смерти брата и сестры она являлась единственным оставшимся у него родным человеком. Жили они за счет того, что продавали некоторые ценные вещи Лидии Гавриловны, но и их было не так уж много. Мальчик пытался ухаживать за матерью, что с каждым днем становилось все сложнее и сложнее. Она постоянно уходила из каморки, оставляя дверь раскрытой, и как-то, вернувшись домой, Алексей увидел, что их квартиру обчистили, взяв последнее.

Над Лидией Гавриловной издевались соседские дети, для них она была сумасшедшей ведьмой, дразнить которую или швырять в нее камни и грязь было доблестным делом. Алексей не раз вступался за матушку, бросаясь на подростков, которые были старше его года на три, а то и на все пять лет, и каждый раз получал жестокую взбучку.

Как-то Лидию Гавриловну задержали с поличным – она, ворвавшись в лавку, схватила коробок серных спичек, сбежала, не расплатившись, а затем попыталась поджечь чей-то дом – только тот был каменный, и у нее, конечно же, ничего вышло. Лидию Гавриловну арестовали, затем сопроводили в лечебницу, где врачи вынесли неутешительный вердикт: буйное помешательство. По мнению медиков, Лидия Гавриловна представляла опасность для себя и окружающих, и ее надлежало изолировать от общества, посему женщину препроводили в сумасшедший дом. Но там она пробыла недолго, сумев вырваться на волю. Впрочем, добром для нее побег не закончился: Лидия Гавриловна попала под телегу, получила серьезные увечья и умерла несколько дней спустя.

Алексей долго не мог поверить в кончину любимой матушки и, только когда его допустили к телу умершей, понял, что остался на белом свете один-одинешенек. Лидию Гавриловну погребли около мужа и двух младших детей, а Алексея передали на воспитание двоюродной тетке, той самой, что когда-то на время приютила вдову профессора, а затем выставила вон, заявив, что у нее нет возможности кормить лишние рты.

Глафира Аристарховна Сысковаяк, двоюродная сестра покойной Лидии Гавриловны по линии матери, была женщиной крупных размеров, обладавшей зычным голосом и густыми усиками. Ее муж, коллежский асессор, трудился в почтовом ведомстве империи, а Глафира Аристарховна вела домашнее хозяйство и воспитывала четверых детей.

Алексей сразу почувствовал неприязнь, исходившую от тетки, – та, собственно, не скрывала, что троюродный племянник нужен ей как собаке пятая нога. Она прямо заявила ему:

– Учти, нахлебник, тебе придется поётом и кровью отрабатывать те деньги, которые мы на тебя тратим.

Дядька, тихий, чахлый, затюканный женой-тираном субъект, предпочитал ни во что не вмешиваться и всегда покорно выполнял волю своей разлюбленной. Заметив, как тетка Глафира и ее детишки шпыняют его за столом, Алексей сразу понял: помощи от него ждать нечего.

Ему отвели крошечную комнатку под самой крышей – там имелось единственное окошко, через которое даже в самый ясный день едва пробивалось солнце, на полу лежал трухлявый тюфяк, а в углу располагалась мышиная нора. Впрочем, как Алексей скоро убедился, мыши вполне безобидные животные, и он даже приручил несколько созданий – украдкой брал с кухни сыр и потчевал им хвостатых обитателей чердака.

Детишки тети Глафиры, подначиваемые матерью, относились к Алексею с презрением – старший поколачивал его, младшая девочка плевалась и кусалась, а двое других обзывали «кукушкиным сыном» и «отпрыском самоубийцы и сумасшедшей». Тетка же не уставала раз двадцать на дню заявлять о том, что мальчик должен благодарить ее до гробовой доски, раз она взяла его к себе на воспитание.

Собственно, воспитание было лишь на словах, на деле же подростку приходилось делать самую неблагодарную работу по дому – убирать в комнатах, помогать прислуге, выполнять роль лакея троюродных братьев и сестер. Только кухарка Маша и горничная Нюша жалели мальчика и подсовывали ему куски побольше и послаще.

Но Алексея огорчало не то, что он подвергался издевательствам или был вынужден работать на тетку и ее детишек, – более всего он скучал по школе. Когда-то профессор Спасович уделял повышенное внимание образованию своего отпрыска: мальчик научился читать в возрасте четырех лет, чуть позже увлекся математикой и химией и часы напролет проводил в отцовской лаборатории. Но после смерти Павла Алексеевича все переменялось – в школу Алексей больше не ходил.

Вечерами, отправляясь к себе на чердак, он прихватывал из библиотеки дядьки несколько книг – в основном труды по естествознанию, юриспруденции или классические романы. Скупая тетка никогда бы не разрешила мальчику жечь керосин по ночам или использовать свечи, поэтому перед тем, как приступить к своему ночному бдению, Алексей подкладывал под дверь тряпицу так, чтобы закрыть полоску света. А затем доставал свечку или лучину, заготовленную сердобольной кухаркой или горничной, и погружался в чтение.

Единственными друзьями Алексея были две прирученные им мышки, которых он окрестил Архимедом и Пифагором. Со временем грызуны стали практически ручными, позволяли себя гладить и ждали кусочков сыра или хлеба, которыми их угощал Алексей.

Подросток чувствовал, что атмосфера глупости и примитивизма, царившая в доме тетки Глафиры, угнетает его, поэтому он планировал бегство в Северную Америку. Пользуясь старинным атласом, обнаруженным в библиотеке, будущий юный путешественник рассчитал маршрут от Москвы до Кале, оттуда – до английского Саутгемптона, где он намеревался сесть на пароход до Нью-Йорка. Или имелся иной путь – в немецкий Бремен, откуда тоже уходили корабли за океан. Алексей не сомневался, что там его ждет лучшая доля и он сумеет разбогатеть. Деньги требовались ему с единственной целью – убить врага.

События последних лет не улетучились у него из памяти, и подросток прекрасно знал, кто является причиной его семейной трагедии. Человека, виновного в смерти отца, матушки, Олечки и Гаврюши, звали Афанасий Игнатьевич Беспалов.

В газетах то и дело попадались о нем статьи, да и вообще имя Беспалова было известно всей Москве. Он считался самым богатым, самым изворотливым и самым безжалостным коммерсантом, который умудрялся из всего делать деньги. Алексей знал, что Беспалов не так давно переехал из Москвы в Петербург – он намеревался обосноваться в столице, считая, что нечего его таланту прозябать в

провинциальной глуши.

Рано или поздно, поклялся Алексей перед иконой Богородицы в Успенском соборе, он отомстит врагу. Беспалов закабалил его отца, профессора Спасовича, украл его идеи и заработал на них миллионы. Затем довел отца до самоубийства и сделал так, чтобы страховая компания не выплатила положенную компенсацию. Беспалов отказал матушке в просьбе помочь с лечением больных детей, силой забрал у нее бумаги отца, что привело к смерти Олечки и Гаврюши, а сама мама, не выдержав тяжелых ударов, следовавших один за другим, помешалась рассудком.

Всего этого не было бы, если бы Беспалов не возник на пути покойного отца. И чем дальше подросток размышлял о произошедшем, тем сильнее становилась его уверенность – Беспалов с самого начала планировал использовать отца в своих низких целях. Ведь именно с продажи взрывчатки, изобретенной профессором Спасовичем, началось восхождение Беспалова к настоящему богатству.

Алексею не были нужны деньги Беспалова, он хотел одного – уничтожить его. Однако что может сделать мальчишка двенадцати лет, растущий без отца и матери? Пока ничего. Но Алексей не сомневался – когда-нибудь он обязательно заставит Беспалова заплатить за содеянное!

Как-то в семействе тетки Глафиры разыгралась нешуточная драма: старший сын никак не мог справиться с тригонометрическими уравнениями и заявил, что больше не пойдет в школу, за что был поколочен родительницей. Алексея разобрало любопытство. Проникнув в комнату троюродного брата, он раскрыл тетрадь и едва сдержал смех: задания были до того легкие, что решить их можно было за несколько минут.

– Что ты здесь делаешь, придурок? – услышал Алексей голос хозяина комнаты и, подняв взор, увидел Колюшку, полного пятнадцатилетнего юношу, более походившего на солидного мужчину, – с буйной растительностью на щеках, колышущимся животом, с красными прыщами на лбу.

Братец подошел к Алексею, вырвал у него тетрадь и заорал на весь дом:

– Мамочка, он пытался меня обворовать!

На зов сыночка тотчас появилась тетка Глафира. Узрев нелюбимого племянника, она фыркнула и сказала:

– Ну вот, дождалась! Родной племянник решил обокрасть! И за что мне горе-то такое?

– Я не хотел ничего брать, – начал оправдываться Алексей, – я только захотел взглянуть на уравнения...

– Зачем они тебе, дурачине? – ухмыльнулся троюродный братец. – У нас в классе никто с ними не справился. Червь лютует после того, как мы ему клеим стул обмазали и он к нему задницей прилип. Вот и назадал такого, что и профессорам не под силу решить.

В школе, где обучался лоботряс Колюшка, Червем звался преподаватель алгебры и геометрии Максим Петрович Червяков.

Колюшка раскрыл тетрадь и обомлел – уравнения были решены!

– Это ты сделал? – спросил он сипло и передал тетрадь матери.

Тетка Глафира, ничего не соображавшая в алгебре, с опаской проговорила:

– Колюшка, наверняка балбес тебе специально неправильный ответ вписал...

– Все там правильно. Червь останется доволен! – заявил Алексей и, оттолкнув Колюшку, вышел из комнаты.

Он оказался прав – у Максима Петровича аж челюсть отвисла, когда один из самых ленивых и тупых учеников, а именно Колюшка Сысковяк, единственным из класса без ошибки решил все двадцать пять уравнений. Но господин Червяков был опытным преподавателем, и он тотчас удивился: если ни один из зубрил и отличников не мог справиться с заданием, то как же такое удалось неучу Колюшке? Справедливо заподозрив, что ученик нанял малоимущего студента для решения сложных задач, Червяков доложил о сем возмутительном факте директору. Тот немедля вызвал к себе Колюшку, и подросток, давясь слезами и хлюпя носом, признался в том, что с уравнениями ему помог троюродный брат.

– Стыдно вам, Сысковяк, прибегать к подобным подлым методам! – заявил директор, прохаживаясь по кабинету.

Червяков, наблюдая за происходящим, тонко улыбался, представляя себе, какие последствия данный инцидент будет иметь для жирного и наглого подростка. Хорошо бы, если бы его с позором выгнали из школы, тогда одним бузотером и фрондером в классе стало бы меньше!

– Значит, ваш троюродный брат, как я понимаю, студент, помог вам справиться с решением сложнейших задач? – переспросил Максим Петрович.

– Какой он студент? Лешка на три года меня младше, – пробасил Колюшка.

Червяков хмыкнул.

– Вы лжете, Сысковяк! Не поверю, что двенадцатилетний мальчик способен решить подобные уравнения. Если, конечно, он не гений.

Директор с учителем обменялись понимающими взорами, после чего директор поинтересовался:

– И какое учебное заведение посещает ваш троюродный брат, Сысковяк?

– Да никакое, – ответил тот, радуясь, что гроза миновала и разговор перешел на безопасную тему. – Лешка вообще дурачок, у него отец застрелился, а мать с ума сошла. Он у нас по дому работает...

Преподаватель математики, потеряв сухонькие руки, в волнении сказал, обращаясь к директору:

– Юрий Мстиславович, это самая поразительная история, какую я слышал за свою жизнь. Если Сысковяк говорит правду, то его троюродный брат обладает поразительным математическим даром!

– Значит, Сысковяк, твой троюродный кузен не посещает школу? – переспросил в задумчивости директор. – Но чем объясняется тот факт, что он так великолепно

разбирается в математике?

Чтобы выяснить причины феномена, в дом к тетке Глафире и был направлен Максим Петрович, коему директором было поручено разобраться в сложившейся и, как он подозревал, запутанной ситуации. Его встретила встревоженная и фальшиво улыбающаяся матушка Колюшки. Узнав, что речь идет об Алексее, она всплеснула руками, всхлипнула и заскулила:

– Так и знала, что этот ирод втянет нас в историю! И чего такого он натворил?

Червяков, державшийся, как обычно, чрезвычайно надменно, пожелал видеть юного гения. Тетка Глафира долго мялась, затем велела кликнуть Алексея, и перед глазами учителя предстал худенький темноволосый мальчик. Максим Петрович, бросив на тетку Глафиру строгий взгляд, заявил:

– Сударыня, буду вам чрезвычайно признателен, если получу возможность побеседовать с молодым человеком тет-а-тет!

Мадам Сысковяк, а также ее отпрыскам пришлось покинуть гостиную, оставив гостя наедине с Алексеем. Учитель пробормотал:

– Итак, уважаемый, соответствует ли истине то, что именно вы решили задание вместо вашего троюродного кузена, причем сделали это тайно?

Алексей, опустив голову, произнес:

– Да, сударь, это так...

– Прелестно... – процедил господин Червяков, все еще не веря столь поразительной истории. – Если все действительно так, то продемонстрируйте мне свои небывалые способности прямо здесь и сейчас.

Максим Петрович вынул из огромного черного портфеля листок с несколькими уравнениями и положил его на стол, затем, похлопав по спинке стула, пригласил Алексея сесть и попытаться решить их. Подросток опустился на стул, учитель подошел к двери, за которой притаилась тетка Глафира, и со всей силы захлопнул ее – женщина отшатнулась, громко взвизгнув.

Червяков склонялся к мнению, что его пытаются надуть, а этого он не терпел. Наверняка задания решил студент, нанятый мамашей, думал преподаватель, теперь, после того, как ее сынок попался с поличным, они пытаются выкрутиться, сочинив глупую историю о мифическом кузене-гении. Максим Петрович, имевший почти тридцатилетний педагогический стаж, был уверен: никакой мальчишка двенадцати лет от роду не в состоянии решить задачи, которые он припас для проверки истины.

– Ну как, милейший? – спросил вредный Червь, неслышно подходя к Алексею, корпевшему над уравнениями.

Учитель заглянул через плечо, ожидая увидеть белый лист или вычисления, не имеющие с верным решением ничего общего. Но то, что предстало перед глазами Максима Петровича, запомнилось строгому учителю до конца жизни: два уравнения (очень и очень сложные – самому Червью понадобилось предостаточно времени, чтобы справиться с ними) были решены, и сейчас худенький мальчик работал над третьим. Грифельный карандаш буквально порхал по листу, и, взглядевшись, Червь понял, что решение, которое возникает на листе, не просто правильное, но к тому же чрезвычайно элегантное: вся «беда» только в том, что мальчик использовал высшую математику, которую в гимназии не проходят.

Потрясенный увиденным, Максим Петрович шумно вздохнул, крикнул и выудил из портфеля потрепанный сборник наиболее тяжелых и заковыристых заданий по алгебре и геометрии, составленный не кем иным, как им самим. Раскрыв книжицу в конце, Червь предложил Алешке задания, помеченные тремя звездочками, – то были самые сложные, и некоторые, как знал Максим Петрович, были не по зубам ему самому, хотя в этом он, конечно же, не признался бы и под пытками.

Подросток не спасовал и через двадцать минут презентовал Максиму Петровичу решение одного из наиболее сложных заданий. Потев и отдуваясь, Червь изучил лист, покрытый убористыми значками и формулами, убеждаясь в том, что решение верное.

В этот момент в дверь постучали, и на пороге возникла тетка Глафира собственной персоной, державшая большой серебряный поднос с пузатым чайником и сладостями.

– Не побрезгуйте перекусить чем бог послал, – ласково проворковала она. – И прошу вас, господин советник, не взывайте на этого идиота, сына моей покойной двоюродной сестры, – он не соображает, что делает!

Тетка Глафира пыталась задобрить строгого гостя, но все вышло не так, как она предполагала. Максим Петрович, сорвав с носа пенсне, воскликнул фальцетом:

– Мадам, у вашего племянника уникальный математический дар! Неслыханно, невероятно! Нет, решительно невозможно, но тем не менее все именно так!

Обратившись к Алексею, Максим Петрович, уже давно сменивший гнев на милость, спросил:

– Милейший, кто преподавал вам математику? Только не говорите, что вы сами научились – я прекрасно знаю, что такое невозможно!

– Мой отец, – ответил Алексей, – профессор Павел Алексеевич Спасович.

– Ага! – произнес Червь, вознося к потолку костлявый указательный палец. – Это многое объясняет! Хотя дело не столько в учителе, сколько в ученике, как ни горько мне признавать. Но ваш батюшка, если память мне не изменяет, скончался...

– Да, да, такая ужасная история, господин советник, – влезла в разговор тетка Глафира. – Поэтому я и приютила племянника, хотя, как вы сами видите, у меня своих проблем полон рот. Но я отношусь к Алексею, как к своему собственному чаду, даже еще лучше!

Провести Максима Петровича на мякине было невозможно, он часто имел дело с родителями и знал, когда те пытаются обмануть его. Тетка Глафира не понравилась ему с первого взгляда, и он не сомневался, что усатая особа лжет.

– Но в таком случае, мадам, чем вы объясните тот факт, что ваш племянник не посещает гимназию? – нарочито ласково спросил вредный Червь.

Тетка Глафира замаялась, придумывая ответ. Не могла же она, в самом деле, признаться в том, что Алексей нужен был ей лишь для выполнения черной

работы по дому!

Так и не получив от Глафиры Аристарховны вразумительного ответа, Червь выразил желание увидеть комнату молодого человека. Тетка пыталась всеми правдами и неправдами помешать осмотру, однако Максим Петрович был непреклонен. Слезив на чердак и глянув на крошечную каморку с тусклым оконцем, гость, дрожа от возмущения, набросился на хозяйку дома:

– Сударыня, понимаете ли вы, что подросток, тем более обладающий таким талантом, как ваш племянник, должен жить в иных, гораздо более комфортабельных условиях?

– Я как раз собиралась переселить Алексея в одну из жилых комнат, – заявила поспешно тетка Глафира.

Но Червяков ей не поверил. На прощание он потрепал Алексея по плечу (что было знаком высочайшего расположения и даже симпатии!) и заверил его:

– Более вам не придется ни о чем беспокоиться, я лично позабочусь об этом! А вам, сударыня, должно быть очень стыдно за свое несносное поведение, – отчеканил он, окидывая Глафиру Аристарховну презрительным взглядом. – Никогда бы не подумал, что кто-либо может держать своего племянника в чулане, как Козетту, и использовать в качестве домашнего раба, как Золушку! Мы еще непременно увидимся!

Глава 5

Едва за гостем захлопнулась входная дверь, тетка Глафира закатила Алешке знатную оплеуху и крикнула:

– Что ты наделал, маленький мерзавец! Натравил на нас учителя! Ну, теперь тебе придется долго расплачиваться!

Тетка схватила ремень и избивала племянника до тех пор, пока он не потерял сознание. Затем она оттащила его в холодный погреб и, заперев там, заявила:

- Посиди здесь недельку-другую и подумай о своем поведении, неблагодарный!

Глафира Аристарховна непременно привела бы угрозу в исполнение, однако на следующий день в доме появилась делегация из нескольких важных господ, среди которых были директор гимназии Юрий Мстиславович Арбенин, представитель департамента юстиции, знатная дама из благотворительной организации, высокий полицейский чин и, конечно же, вездесущий Максим Петрович Червяков. Именно он накануне вечером навестил своего патрона и в подробностях доложил об удивительном открытии, сделанном им в доме мещанки Сысковяк.

Юрий Мстиславович тотчас проникся симпатией к незнакомому подростку, страдающему под игом властной и жадной тетки и обладающему к тому же незаурядными математическими способностями. Сам господин Арбенин был в начале своей педагогической карьеры идеалистом, затем превратился в реалиста, а под конец сделался пессимистом, однако в глубине его директорской души теплилась надежда на то, что не все так безнадежно в российской системе образования. Юрий Мстиславович еще никогда не видел Максима Петровича Червякова в столь возбужденном состоянии.

Преподавателем алгебры и геометрии тот был великолепным, однако обладал мерзким, занудным характером и был напрочь лишен чувства юмора. И когда этот самый Максим Петрович поведал, не скупясь на прилагательные в превосходной степени, о сыне профессора Спасовича, директор решил немедленно действовать. Он шапочно знал профессора, читал в газетах о его самоубийстве, слышал и о трагедии, разыгравшейся в семье ученого, доносились до него и слухи о том, что профессор перешел дорогу самому Афанасию Беспалову и пытался обхитрить его, за что и поплатился.

- Сударыня, мы хотим видеть вашего племянника Алексея, - заявил Арбенин без церемоний.

Глафира Аристарховна оробела - перед ней стоял статный седой господин с остроконечной бородкой, в очках с золотой оправой, облаченный в вицмундир и сопровождаемый несколькими не менее солидными господами и одной чрезвычайно элегантно одетой дамой, явно из высшего общества. Будь неожиданные визитеры не столь важные птицы, тетка Глафира непременно подняла бы скандал, но не пререкаться же с представителями государственной власти, причем такими могущественными (перечисление в должности

пришедших с директором гимназии произвело на женщину впечатление). Поэтому она избрала иную тактику – лебезя и заискивая, как Лиса Патрикеевна, мадам Сысковьяк попросила гостей пройти в гостиную и предложила им прохладительные напитки.

– Сударыня, мы пожаловали к вам не со светским визитом, – строго оборвал ее Арбенин, – а исключительно для того, чтобы иметь беседу о вашем племяннике. Для начала мы желаем видеть его. Причем немедленно!

Глафира принялась лихорадочно соображать – мальчишка, хорошенько ею поколоченный, лежал в погребке, и показывать его в таком виде важным посетителям было решительно невозможно.

– Он заболел, – соврала тетка Глафира, – у него... у него краснуха! Доктор велел его не тревожить. Вот и положили племянника на чердаке, подальше от всех, чтобы не заразил моих ребятишек.

– Странно, – процедил Червь, – я общался с вашим племянником чуть более двенадцати часов назад, и он не произвел на меня впечатления человека болящего.

– Внезапно все приключилось, сразу после вашего ухода, господин советник, – уверила тетка Глафира, прикидываясь дурочкой. Она давно усвоила: со слабыми надо вести себя по-хамски, с сильными же строить из себя недалекую особу.

– Если у мальчика краснуха, то ему требуется квалифицированная медицинская помощь, – вступила в разговор дама из высшего общества, вдова известного генерала, героя Шипки. – Мне не раз приходилось выхаживать больных детей. Я хочу осмотреть мальчика и проконсультроваться с медиком.

Мадам Сысковьяк пыталась уверить, что это совершенно излишне, однако гости не желали уходить, не повидав Алексея. Наконец, сдавшись, Глафира протянула Арбенину большой металлический ключ и сказала:

– В погребе он!

– В погребке? – изумился Юрий Мстиславович. – Но вы же утверждали, что мальчик находится на чердаке, сударыня!

Еще больший сюрприз ожидал посетителей в означенном погребке: именно там они и обнаружили Алешу, чье тело и лицо были покрыты синяками, кровоподтеками и глубокими порезами, правый глаз заплыл, нос, судя по всему, был сломан. Ребенок лежал на холодном каменном полу и находился в беспомощности.

– Да что это такое, сударыня? – вскрикнул шокированный представитель департамента образования. – Что произошло с несчастным?

– Я ведь сказала, краснуха у него, – грубо бросила тетка Глафира, понимая, что у нее только одна возможность – придерживаться своей версии до конца. – Жар был всю ночь, мальчишка пошел в погреб за молоком, свалился с лестницы, разбился...

Полицейский чин категорично заявил:

– Увечья возникли вовсе не от падения с лестницы, говорю с полной уверенностью! Мальчика кто-то жестоко избил. И даже если ваша версия, сударыня, правдива, то отчего вы оставили его лежать на холодном полу? Это же может иметь непредсказуемые последствия!

Директор Арбенин подхватил Алексея на руки и вынес из погреба. Генеральская вдова, пощупав лоб мальчика, воскликнула:

– У него в самом деле жар, однако вовсе не от краснухи! Наверняка у подростка серьезные травмы, скорее всего, сотрясение мозга, а также, не исключено, повреждения внутренних органов. И не буду удивлена, если у мальчика окажется еще воспаление легких!

Юрий Мстиславович уложил мальчика в бричку, стоявшую перед домом Глафиры Сысковяк.

– С вами, сударыня, мы еще разберемся, – пригрозил он и велел кучеру немедленно ехать в Крестовоздвиженскую больницу.

Там директор гимназии передал Алешу в руки профессора медицины, своего старинного приятеля. Тот после осмотра маленького пациента не стал скрывать от Арбенина, что ситуация критическая: да, мальчик был жестоко избит, а кроме того, после ночи, проведенной на холодном полу, у него двусторонняя пневмония, которая может закончиться летальным исходом. Профессор заверил, что сделает все, что в его силах, однако напоследок сказал Юрию Мстиславовичу:

- Собственно, остается только одно - молиться.

Юрий Мстиславович Арбенин не был верующим человеком, хотя, являясь уже более десяти лет директором гимназии, не мог позволить себе открыто исповедовать атеизм. В справедливости небесных сил он разуверился около двадцати лет назад, когда его любимая дочь Ирина, катаясь на лошади, упала и сломала позвоночник. Девочке тогда было двенадцать лет, и врачи вынесли неутешительный вердикт: она до конца жизни останется парализованной. Арбенин и его супруга, Елена Викентьевна, самоотверженно ухаживали за Ириной в течение последующих шести лет, однако ни лучшие доктора, ни поездки за границу на курорты, ни новомодная терапия не смогли помочь девушке. В день девятнадцатилетия Ирина покончила с собой - долгое время она тайком собирала болеутоляющие таблетки и, накопив их в изрядном количестве, выпила разом.

Юрий Мстиславович и его супруга были безутешны. Задействовав своего друга, профессора медицины, Арбенин сделал так, что в официальных бумагах фигурировала кончина от закупорки сердечной аорты, а не как следствие наложения на себя рук. С тех пор Юрий Мстиславович окончательно разуверился в Боге, считая его выдумкой и блажью, однако дни после доставки Алексея в больницу он отчаянно и горячо молился, к своему удивлению чувствуя небывалое облегчение в душе.

Так и осталось тайной, что же оказало воздействие - то ли радикальный способ лечения, выбранный профессором, другом Арбенина, то ли молодой организм Алексея самостоятельно справился с болезнью, то ли Бог, в которого Юрий Мстиславович потерял веру, услышал его молитвы, но кризис миновал. Подросток медленно пошел на поправку.

Тем временем Юрий Мстиславович, посоветовавшись с Еленой Викентьевной, принял кардинальное решение: после смерти Ирины они решили не заводить

более других детей, ни собственных, ни беря на воспитание, однако случай с Алексеем заставил директора и его супругу передумать. Елена Викентьевна, узнав трагическую историю семьи Алексея и побывав у постели мальчика, нашла, что они с мужем не имеют права бросить несчастного ребенка на произвол судьбы. Поэтому, задействовав свои многочисленные связи, Юрий Мстиславович добился того, чтобы ему было выдано разрешение стать опекуном Алексея.

Тетка Глафира, у которой жил мальчик до этого, с великой радостью согласилась. Да и было с чего ей радоваться: на хлебника забрали, а наказания за издевательства над племянником так и не последовало – мадам Сысковяк упорно держалась своей смехотворной версии, мол, подросток упал с лестницы в погребе. То же твердили ее супруг и детишки, и что-либо поделаться с этим было нельзя.

Алексей, придя в себя, не мог сказать, что произошло с ним в действительности – к счастью тетки Глафиры, последние несколько часов, предшествовавшие заточению мальчика в погреб, были стерты из его памяти словно ластиком. И хотя через три недели воспоминания вернулись, Алеша, подумав, решил не говорить ничего Юрию Мстиславовичу – он был просто рад, что наконец-то покинул дом тетки Глафиры.

Подросток сначала настороженно относился к своему опекуну и его супруге, ожидая от них подвоха, однако быстро убедился в том, что Арбенин и его жена – прекрасные, добрые и честные люди. Алексею было даже не по себе от того количества благоволения и любви, которые излились на него, когда он попал в огромный особняк Арбениных в Замоскворечье.

Юрий Мстиславович сообщил ему удивительные вести: оказывается, находясь без памяти в больнице, Алексей постоянно совершал математические действия, то возводя числа в квадрат или в куб, а то извлекая из них корень.

– И еще, друг мой, ты бормотал что-то наподобие «он умрет...», – сказал директор. – Как я понимаю, ты имел в виду себя, но твое дурное предчувствие, как видишь, не имело под собой никаких оснований!

Алеша не стал объяснять Юрию Мстиславовичу, что фраза «он умрет» была адресована Афанасию Игнатьевичу Беспалову. Он вообще предпочитал не

говорить о своей прежней жизни, и Арбенины тактично обходили тему смерти профессора Спасовича и его жены стороной, уверенные, что в их лице мальчик нашел новых, быть может, не лучших, чем родные папа и мама, но все же любящих его всей душой родителей.

Мальчик получил в особняке директора настоящие апартаменты – в его распоряжении теперь были кабинет, спальня и даже небольшая лаборатория, помимо собственной ванной и гардеробной. Арбенины, давно истосковавшиеся по любимому существу, о котором они могли бы заботиться, как о собственном ребенке, осыпали Алексея ласками, вниманием и подарками. Мальчик испытывал к Юрию Мстиславовичу и Елене Викентьевне безграничную благодарность, он знал, что директор спас ему жизнь (так он попросту скончался бы в погребке тетки Глафиры), однако он не смог по-настоящему любить Арбениных – в его сердце жила любовь к умершим отцу и матери, а также поселилась ненависть к человеку, уничтожившему его семью. И все же, интуитивно понимая, что его опекунам требуется не что иное, как любовь, Алексей пытался изобразить это чувство, и у него неплохо получалось.

Окончательно выздоровев, мальчик начал посещать гимназию, в которой директорствовал Юрий Мстиславович: подросток выказывал несомненный талант в области точных наук, поэтому его определили сразу в один из старших классов. Там ему пришлось несладко – мало того, что все однокашники были старше его как минимум на три, а то и на пять лет, так он еще был сыном директора, хотя бы и неродным!

После случая в доме тетки Глафиры Алексей дал себе слово, что никто и никогда более не поднимет на него руку, не посмеет его ударить, а если все же рискнет, то получит сдачи. Поэтому, когда великовозрастные одноклассники решили избить «директорского жлобенка», Алексей оказал бешеное сопротивление и в итоге расквасил нос одному из негласных лидеров гимназии, дылдаобразному второгоднику Мокрицыну.

Родители Мокрицына пожаловались Юрию Мстиславовичу на безобразную выходку его воспитанника, и директор пожурил Алексея, оставшись в душе чрезвычайно довольным его поведением.

Алексея оставили в покое, однако друзей в гимназии он так и не нашел: его уважали, даже побаивались, но не любили. А его математический талант вызывал всеобщий трепет, и Алексей знал, как пользоваться своими

способностями, – вскоре некоторые из гимназистов обращались к нему, прося, чтобы он сделал для них домашнее задание или помог раздобыть ответы на экзаменационные билеты по гуманитарным предметам. Решить задачи было для Алексея плевым делом, сложнее было с билетами – они хранились в ящике стола Юрия Мстиславовича, и подросток знал – Арбенин будет очень разочарован, если узнает, что его воспитанник совершает столь низкие поступки.

И тем не менее Алексей несколько раз пробирался в кабинет к директору, вытаскивал задания, переписывал их у себя в комнате, а затем водворял оригиналы на место. Ответы получали дети влиятельных и богатых москвичей – так Алексей обзавелся полезными знакомыми и товарищами, полностью от него зависящими. Делал он это вовсе не для того, чтобы его приглашали на дни рождения, Рождество или пикники в дома влиятельных семейств (Арбенины умилялись тому, какой популярностью пользуется их воспитанник среди соучеников, не подозревая об истинной ее подоплеке), ему были нужны союзники, а лучше всего – зависимые лица.

Потому что мысль отомстить Афанасию Беспалову крепко засела в голове юноши, и он принялся составлять план. Алексей не исключал, что ему понадобятся связи в высшем обществе – Беспалов теперь вращался в самых изысканных кругах, несмотря на то, что был парвеню: миллионы, которыми он обладал, заставляли многих закрывать глаза на его крестьянское происхождение и грубые манеры.

Алексей завел досье на Беспалова – собирал о нем информацию, которую черпал из газет, журналов и разговоров. Афанасий Игнатьевич с каждым годом становился все могущественнее и богаче, и Алексей знал – многомиллионное состояние и огромная власть врага коренятся в открытии, сделанном его отцом, профессором Спасовичем, обманутым, обобраным до нитки и принужденным к самоубийству. И враг должен поплатиться за то, что когда-то сделал, хотя наверняка эпизод с профессором-простофилей давно стерся из памяти миллионера, теперь Беспалов занимался аферами в гораздо более крупных размерах.

Конечно, Алексей понимал, насколько опасна его игра и иллюзорны планы, – что может сделать подросток одному из самых богатых людей России? Но он был уверен, что когда-нибудь настанет момент и Беспалов окажется у него в руках, тогда перед убийцей его семьи встанет единственный выход – пистолет с одной

пулей в барабане.

Юрий Мстиславович гордился успехами своего воспитанника, хотя находил, что тот уделяет не слишком много внимания гуманитарным наукам, концентрируясь на точных. Будучи историком по образованию, Арбенин лелеял надежду – его сын (а Алексей давно стал для него таковым) поступит в университет, непременно на философский факультет, и однажды прославится на весь мир своей книгой, а может быть, и не одной. Но подросток был совершенно равнодушен к делам давно минувших дней и преданьям старины глубокой, что безмерно огорчало Арбенина. И постепенно приемный отец смирился с мыслью: если из Алексея выйдет не новый Карамзин, то уж точно новый Лобачевский.

Гимназию Алексей окончил с серебряной медалью и, как того и хотел Юрий Мстиславович, стал студентом Московского университета, только планировал молодой человек стать вовсе не историком или философом, а инженером. Выбор сына Арбенин принял стоически, утешая себя: пусть так, но внуки (о которых они вместе с Еленой Викентьевной уже мечтали) наверняка пойдут по гуманитарной стезе.

Алексей знал, что у него имеется особый талант в точных науках, однако его выбор стать инженером объяснялся в первую очередь тем, что именно таким образом он намеревался внедриться в окружение Беспалова. Тому требуются блестящие специалисты, и именно таковым Алексей намеревался стать.

Учеба в университете давалась легко, и молодой человек никогда не забывал о том, какая у него цель. Враг должен понести наказание! Проще всего, к примеру, убить Беспалова, но тогда месть будет слишком легкой и простой. А Алексею хотелось, чтобы Беспалов испытал те же мучения, что и его родители, да и он сам. Ничего, он сумеет добиться осуществления своей мечты, как бы сложно сие ни было.

Одним из сокурсников Алексея был некий Ян Казимирович Левандовский, долговязый субъект с редкими светлыми волосами, водянистыми голубыми глазами и лицом, покрытым угрями. Отпрыск мелкопоместного польского дворянина, который много лет назад осел с семьей где-то под Смоленском, Ян был странным типом. Левандовский проводил в библиотеке еще больше времени, чем Алексей, с презрением отзывался о своих коллегах и не раз заявлял, что его ждет великолепное будущее. Как-то в минуту откровенности Левандовский признался Алексею:

– Моя цель сделаться очень и очень богатым! Не понимаю тех людей, которые, обладая талантом, пускают его на ветер, отдавая всего себя науке. Чтобы заработать миллионы, требуется или гениальность, как у меня, или практическая хватка, как у Афанасия Беспалова!

Услышав фамилию врага, Алексей немедленно насторожился. А Ян продолжил:

– После завершения обучения непременно пойду работать у него. Присмотрюсь к тому, как он управляет своей империей, а затем выстрою свою. Еще больше, чем у него!

Взвесив все «за» и «против», Алексей пришел к выводу, что опасаться Левандовского ему не стоит, хотя тот и восхищался Беспаловым, в то время как сам Алексей его ненавидел.

Обучение Алексей завершил одним из лучших – первым был, конечно же, Ян Левандовский, сдавший экзамены и получивший диплом *summa cum laude*[2 - С наивысшим отличием (лат.)]. Ян Алексею очень не нравился, и когда поляк начал крайне неумело ухаживать за полноватой курсисткой Марусенькой, Алексей, узнав об этом, намеренно в два счета вскружил голову девице, и та тотчас бросила Левандовского ради красавца Спасовича.

Окончание университета ознаменовалось трагедией – находясь в отпуске в Венеции, супруги Арбенины подхватили вибрион холеры и скончались оба в один и тот же день в Италии. Смерть опекунов опечалила Алексея – хотя он не любил их, как родителей, но был к ним чрезвычайно привязан. Кончину Юрия Мстиславовича и Елены Викентьевны молодой человек воспринял как знак. Согласно завещанию покойных, именно он являлся единственным наследником всего их состояния, весьма, как оказалось, солидного.

Некоторое время Алексей выжидал, отыскивая возможность приняться за осуществление своего плана. Он побывал в Петербурге, где жил Беспалов, несколько раз видел самого врага – поседевшего, но все еще такого же могучего, как и раньше. Алексей знал, что пока слишком рано наносить первый удар, поэтому на несколько лет отправился за границу, в Америку, где работал на угольных разработках. Вернувшись в Россию летом 1911 года, молодой человек решил, что настала пора сразиться с врагом.

Глава 6

Прежде всего ему требовалось войти в ближнее окружение Беспалова, а с рекомендациями, полученными в Штатах, это будет, как Алексей надеялся, довольно легко. Ведь Беспалову требуются молодые толковые инженеры, и он был именно таким.

Спасович посетил петербургскую контору Беспалова, не сомневаясь, что получит место. Ему велели зайти через два дня. Велико же было недоумение Алексея, когда ему сообщили, что места он не получил.

– Сударь, буду откровенен, – сказал разговаривавший с ним востроносый крючоктор. – Афанасий Игнатьевич самолично принимает решения, и повлиять на его мнение не может никто. Но вы, сударь, несмотря на свои рекомендации и опыт работы, все же не лучший наш кандидат, Афанасий Игнатьевич предпочел вам другого. Ведь на него должны работать не просто лучшие, а лучшие из лучших!

Алексей, вовсе не ожидавший подобного поворота событий, только и сумел вымолвить:

– И кто же является лучшим из лучших?

– Я! – раздался гордый голос, показавшийся Алексею знакомым.

Обернувшись, он увидел своего университетского соперника Яна Левандовского – тот с торжествующей улыбкой стоял в дверях.

Алексей попытался собраться с мыслями. Неужели весь его план пойдет прахом только из-за Яна? И враг останется безнаказанным? Он и так слишком долго ждал!

– Сколько лет, сколько зим... – только и смог произнести Алексей, подходя к Левандовскому.

Тот отпустил белокурую бородку, а волосы на его голове поредели. Однако в голубых глазах сквозило все то же презрение, каким Ян и ранее одаривал своих товарищей.

– Что, Спасович, считал, что место у тебя в кармане? – надменно заметил Левандовский. – Ну, такое бывает, братец! Однако прощай, мне некогда разговаривать с тобой. На завтра у меня назначена встреча с самим Беспаловым, поэтому мне требуется хорошенько выспаться.

Не дожидаясь ответа, Ян развернулся и вышел из приемной. Так и есть, решил Алексей, гордый шляхтич так и не простил ему истории с Марусенькой. Однако что же делать?

Алексей выскользнул из здания и последовал за Левандовским, благо тот не взял извозчика, а, видимо, надумал прогуляться – высокую фигуру поляка было видно за версту. Молодой человек пошел следом за своим соперником, сам даже не зная, для чего. Так они дошли до третьеразрядной гостиницы «Черногория».

Узнав у консьержа, в каком номере остановился Ян Левандовский (понадобилось только немного мелочи). Алексей решил, что надо попробовать переговорить с Яном и убедить его уступить место. Он поднялся по лестнице на второй этаж и постучал в деревянную дверь с номером «17». Через несколько мгновений створка распахнулась, и Алексей увидел Левандовского – тот уже снял мундир и был в рубашке.

– Ага, это ты, – произнес он таким тоном, будто совершенно не удивился визиту Алексея. – Так и думал, что ты не оставишь своей затеи. Что, следил за мной, как ищейка? Я предполагал, что так и будет, поэтому прогулялся пешочком. Ну что же, проходи, братец!

Алексей прошел в скудно обставленный номер – в глаза бросился идеальный порядок. Алексей вспомнил, что Левандовского всегда выводили из терпения предметы, лежащие, как он считал, не на своих местах.

– Извини, Спасович, но предлагать тебе выпить за встречу я не собираюсь, – заявил Левандовский. – Однако не буду отвлекать тебя от твоего замысла. Ведь наверняка ты пришел, чтобы поздравить меня?

Алексей заметил гадкую ухмылку на лице Яна. Собственно, идея зайти к Левандовскому была глупая. На что он рассчитывал? Что этот странный тип с радостью уступит свое место? Или отдаст ему пальму первенства, расчувствовавшись после рассказа о смерти родителей Алексея?

– Так зачем пожаловал? – задал вопрос Левандовский.

Алексей, решившись, заговорил:

– Ян, мы не были лучшими друзьями в университете, однако я хочу просить тебя о большом одолжении. Ты – благородный человек, дворянин, поэтому я уверен, что ты пойдешь мне навстречу. Мне очень нужно то место, которое получил ты. Откажись от него, прошу тебя!

Левандовский, наклонив голову набок, молчал.

– Понимаю, что ты можешь возразить: «Отчего я должен делать это?» – продолжал Алексей. – Поверь, я бы очень хотел поведать тебе всю правду, но не могу. Ты без труда найдешь новое место. Более того, я лично готов порекомендовать тебя нескольким компаниям в Североамериканских Штатах, и они тотчас возьмут тебя к себе.

Поляк щурился, предпочитая ничего не говорить.

– Конечно, речь идет о деньгах, – догадался Спасович. – Приемные родители оставили мне кое-какое состояние, поэтому я готов тотчас выписать тебе чек. Сколько ты хочешь? Пять тысяч?

Наконец Левандовский произнес:

– Двадцать пять тысяч, братец. Ни копейкой меньше! Ну что, готов заплатить столько за место у Беспалова?

Алексей быстро просчитал в уме – такого количества наличности у него не было, однако имелся еще особняк. Если его продать или заложить...

– Да, – ответил он быстро, протягивая Левандовскому руку. – Ну что, мы заключим сделку? Деньги ты получишь в ближайшее время.

Левандовский, ослабив острые желтые зубы, заявил:

– Кажется, получить работу у Беспалова для тебя очень важно, иначе бы ты не согласился платить двадцать пять тысяч. А если бы я потребовал сто тысяч? Или даже целый миллион? Подозреваю, ты бы нашел возможность отыскать и эту сумму. – Затем подошел вплотную к Алексею и неожиданно продолжил: – Поэтому мой ответ будет: нет! Я не собираюсь уступать тебе место. Просто не хочу! Думаешь, я забыл о Марусеньке? Я вижу, должность тебе требуется для каких-то собственных, не ясных мне целей. Когда-то тебе удалось одержать надо мной триумф, но теперь пришло время проигрывать, Спасович. Завтра в полдень мне назначено быть у него в доме. И я займу место, которое положено мне по праву!

Левандовский распахнул дверь и, зевнув, указал Алексею на выход:

– Тебе пора, братец. Завтра я встречу с Беспаловым и начну на него работать, а вот тебе придется туго. И учти, я сразу же сообщу ему о странном типе, во что бы то ни стало желавшем пробраться в его компанию. Сдается мне, ты затеваешь что-то дурное. Ну, Афанасий Игнатьевич в этом разберется!

Алексей вышел из номера и, оказавшись в коридоре, прислонился к оклеенной полосатыми обоями стене. Левандовский ничуть не изменился, разве что в худшую сторону. А значит, его план провалился. Поляк наверняка сдержит свое слово и расскажет Беспалову о том, что Алексей Спасович был готов заплатить двадцать пять тысяч, дабы получить у него место. Беспалов, разумеется, заинтересуется данным фактом и поручит детективному агентству разобраться. И ему сообщат, что Алексей – приемный сын недавно умершего Арбенина, а его настоящим отцом был профессор Спасович. Тогда Беспалов поймет, в чем дело.

Молодой человек не сомневался – миллионер попытается первым нанести удар. Враг готов на все, поэтому может обратиться к сомнительным личностям из криминального мира, и те много не возьмут, чтобы просто-напросто подстеречь где-нибудь молодого инженера и убить.

Алексей вышел из гостиницы и побрел по улице. Никудышный из него получился мститель. Нашел кому довериться – Левандовскому! Как сделать, чтобы Ян ничего не рассказал Беспалову? Внезапно в голову пришла страшная и вместе с тем логичная мысль – Левандовский должен умереть. Ведь тогда Беспалов ни о чем не узнает, зато сам Алексей получит возможность проникнуть в окружение врага. Только беда в том, что Ян умирать в ближайшие лет сорок-пятьдесят не собирается. Значит, единственный выход из сложившейся ситуации – убить Левандовского.

Мысль напугала Алексея и в то же время... Одним ударом он разрубит гордиев узел и получит желаемое. Но имеет ли он право пожертвовать жизнью Левандовского ради достижения своей цели? Об этом он предпочитал не задумываться. Ян – никчемный, мерзкий субъект с отвратительным характером. Всем будет только лучше, если он скончается.

Алексей вернулся в особняк, доставшийся ему от четы Арбениных, заперся в кабинете и вытащил из ящика стола ящичек, в котором покойный Юрий Мстиславович хранил револьвер. Ну что же, так тому и быть. Ян сам вынес себе смертный приговор, когда отказался принять деньги. Рука Алексея – всего лишь орудие судьбы. И все же его била нервная дрожь – придется собственноручно лишиться человека, пускай и далеко не самого приятного, жизни. Но Левандовский стоит у него на пути, значит, надо сделать это.

Всю ночь молодой человек не смыкал глаз – так и просидел в кабинете, взирая на револьвер. Он дал себе слово, что сделает все быстро – Яну не придется мучиться. Полиция, конечно же, заинтересуется смертью Левандовского, однако улики не будут, да и прямого мотива тоже. Решат, что на него напали грабители или какой-нибудь сумасшедший.

Около семи утра Алексей, облаченный в мундир инженера, поверх которого было накинуто старое пальтишко, оказался около «Черногории». Ему пришлось прождать больше двух часов на холоде – наконец появился Левандовский. Он преобразился – был отлично одет, подровнял куцую бородку и выглядел чрезвычайно импозантно.

Ян отправился в небольшое кафе, располагавшееся напротив гостиницы, – сквозь большое панорамное стекло Алексей видел, как он заказал себе чашку кофе и пирожное. Завтракал Левандовский неспешно, со вкусом, наслаждаясь, видимо, не только едой, но и мыслью, что сегодня он получит хорошо

оплачиваемую работу у одного из самых богатых людей империи.

Спасович притаился на углу, около фонарного столба, откуда открывался отличный вид на кафе. Решение было принято: когда Левандовский выйдет, то наверняка отправится на угол, чтобы нанять экипаж, здесь-то он его и застрелит. Произойдет все быстро – одно мгновение, и Ян будет мертв. И пока окружающие поймут, что случилось, Алексей исчезнет, смешавшись с прохожими. А завтра заглянет в контору Беспалова и поинтересуется словно невзначай, нет ли вакансий, – наверняка за его предложение тотчас ухватятся.

Медленно текли минуты. Наконец из кафе вышел Левандовский – вид у поляка был довольный. Как и ожидал Алексей, тот встал на углу. Молодой человек двинулся к нему. Бельгийский револьвер он зажал в правой руке, опущенной в карман пальто. Ну что ж, настало время взять на свою душу тяжкий грех.

Когда Алексей находился всего в нескольких шагах от Левандовского, тот внезапно обернулся – взгляды молодых людей встретились.

– Ты, Спасович? – спросил в раздражении Ян. – Только не говори, что случайно здесь оказался, наверняка снова следил за мной! Братец, это становится более чем странным. Придется сообщить о твоём поведении в полицию, пускай они займутся тобой. Кто знает, может быть, твое место в бедламе!

Момент был упущен – несколько прохожих, слышав обидные слова Яна, обернулись и с подозрением уставились на Алексея. Да и пропал фактор неожиданности, Левандовского просто так не застрелишь.

– И что ты ошиваешься около меня? – произнес брезгливо поляк. – Все надеешься на то, что я передумаю? Убирайся прочь, Спасович, ты просто жалок! Ну, что не двигаешься с места, делаешь вид, будто ты меня не слышишь? В таком случае я покину тебя! Всего наилучшего. И предупреждаю – не смей следовать за мной, иначе тебе придется худо! А вот и полицейский...

Левандовский торопливо зашагал через улицу, направляясь к гостинице, около которой стоял, беседуя с дворником, пузатый полицейский. Полное фиаско. Единственная возможность – застрелить Яна прямо сейчас, на глазах десятков свидетелей, а затем попытаться исчезнуть. Только где гарантия, что выстрел сразит Левандовского насмерть? Да и зеваки слышали, как тот называл

собеседника по фамилии, полиции не составит особого труда вычислить, кто же является виновником происшествия.

Вот Левандовский вскинул вверх руку в перчатке, привлекая к себе внимание полицейского. Затем остановился: пожилая торговка, тащившая большую корзину, оступилась, корзина полетела наземь, из нее посыпалось содержимое – куриные яйца разбились, покрывая темную землю причудливым бело-желтым узором.

Левандовский замер, попятился – хаос, как знал Алексей, всегда пугал его. Он даже по лестнице поднимался через ступеньку, никогда не опуская ногу на четную, а если вдруг количество ступеней на лестнице было кратно двум, тогда Ян просто прыгал на последнюю.

И сейчас причитающая торговка, горящая над испорченным товаром, стала для него непреодолимым препятствием. Ян, как иногда с ним бывало, впал в ступор, забыв, однако, что находится на оживленной улице, по которой сновали телеги, экипажи и, гудя клаксонами, автомобили.

Левандовского едва не сшиб экипаж, и кучер, выругавшись, хлестнул в воздухе кнутом прямо над его головой. Звонкий щелчок привел поляка в чувство, он дернулся, попятился назад, попытался развернуться, услышав отчаянный протяжный сигнал...

Но было поздно – автомобиль, ехавший с порядочной скоростью, сбил его. Алексей чувствовал себя зрителем в темном зале синематографа, не хватало только тапера, наяривающего по клавишам старенького пианино. Словно большая кукла, долговязый Левандовский отлетел на несколько метров, автомобиль, не останавливаясь, наехал на него, немного продвинулся вперед и наконец замер, оставив за собой кровавый след.

Улица загудела, раздался яростный свисток полицейского, вокруг Яна и автомобиля, его переехавшего, образовалась толпа из любопытных. Алексей, чувствуя, что это его шанс, присоединился к зевакам. Отталкивая охавших прохожих, крестящихся торговков и перешептывающихся гимназистов с ранцами, Спасович оказался около Яна.

Его глазам предстало кошмарное зрелище – на земле расплывалась большая лужа крови, глаза Яна были распахнуты, лицо искривлено предсмертной судорогой. Не оставалось ни малейших сомнений, что бывший однокашник мертв.

– Я – его друг! – заявил Алексей, опускаясь около мертвеца.

Полицейский уже опрашивал свидетелей, которые наперебой рассказывали о том, что произошло. Автомобиль, переехавший Яна, замер в нескольких метрах – на заднем сиденье находилась пожилая дама в большой шляпе, а водитель, белобрысый парень в униформе, вцепившись в дверцу, склонился над мостовой – его рвало.

Такое везение бывает только раз в жизни – Алексей это прекрасно понимал. Он взял руку Яна и попытался нащупать пульс. Но, как он и предполагал, сердце уже не билось. Да и останься Ян в живых, он бы все равно умер в ближайшее время в страшных мучениях – автомобиль проехался по ногам, превратив их в кровавое месиво.

Рядом появился старенький господин, оказавшийся доктором. Он склонился над телом и констатировал смерть Яна. Двое прохожих (прочие, услышав призывы городского датч показания, тотчас исчезли) перенесли Яна на тротуар, около входа в «Черногорию».

– Да, сударь, вашему другу не повезло, – заявил, почесывая ухо, полицейский. – Вот к чему приводит так называемый технический прогресс! Автомобили похуже разбойников с больших дорог в лихие времена – хоть недавно появились, а уже сколько людей погубили! Этому еще повезло, сразу скончался, не мучаясь, а вот на прошлой неделе был страшный случай, девочку сбил один лихач...

Полицейский принялся излагать в подробностях историю, а Алексей слушал доктора, который заявил, что Ян умер от огромной кровопотери, приведшей к сердечному коллапсу. Закончив повествование, полицейский спросил:

– Сударь, а как зовут вашего друга?

– Ян... – начал Алексей и осекся. Всего десять минут назад он собирался убить Левандовского, а тут судьба преподнесла ему такой небывалый подарок. Грех

им не воспользоваться. Поэтому продолжил: – Я хотел сказать, его зовут Алексей Спасович, – произнес молодой человек. – Мы учились вместе в университете. Вчера виделись и хотели встретиться сегодня, а вместо этого я стал свидетелем его гибели.

Алексей запустил руку во внутренний карман пальто Яна и нащупал портмоне и паспорт. В этот момент раздался крик – пожилая дама, что сидела в автомобиле-убийце, потеряла сознание, и полицейский с доктором бросились ей на помощь. Пользуясь представившейся возможностью, Алексей подложил покойнику свой собственный паспорт, себе же забрал паспорт Яна.

Через полчаса о страшном происшествии, казалось, ничто не напоминало: шофер и его хозяйка были отпущены восвояси, а единственным виновным был признан покойник – Алексей Спасович.

– Я немедленно оповещу его родственников, – заверил Алексей. Дождавшись, когда тело Яна увезли в анатомический театр, он последовал туда же. Там договорился с одним из хирургов об организации скромного погребения и сунул ему сто рублей. Тот немедленно принял предложение и заверил, что все пройдет «по высшему разряду».

Выйдя на свежий воздух, Алексей почувствовал себя отлично. Часы показывали половину двенадцатого, и молодой человек понял, что должен поторопиться, опоздание явно произведет не лучшее впечатление. Ян говорил, ему назначено у Беспалова на двенадцать, и Левандовский появится у Афанасия Игнатьевича: тот и не догадается, что вместо него к нему пожаловал сын доведенного им до самоубийства профессора Спасовича.

Алексей оказался у особняка Беспалова, некогда принадлежавшего князьям Годуновым-Чердынцевым, без пяти минут двенадцать. Он шагнул в большой холл, отдал швейцару пальто и, поднимаясь по лестнице в приемную залу, думал о том, что наконец-то свершилось то, о чем он мечтал: он получил возможность покарать врага!

Странные воспоминания терзали Алексея – ему казалось, что он все еще поднимается по лестнице, которая внезапно разрастается до небывалых размеров, но едва приближается к дверям приемной залы, как внезапно оказывается в самом низу. И потом кровь, всюду кровь... Мертвый, покалеченный Ян, над которым он склоняется, вдруг открывает глаза, хватая его за руку и произносит: «К Беспалову отправлюсь я, а не ты!» Алексей, уставившись на кровавое месиво, в которое превратились ноги Яна, пытается спросить, как же он пойдет, но мертвец вдруг начинает хохотать. А с неба сыплются куриные яйца – те самые, что уронила торговка.

Потом вдруг возникает тетка Глафира, земля разверзается, и Алексей видит лестницу погреба. Тетка с сатанинским хохотом толкает его – и он падает под ноги Червю и Юрию Мстиславовичу. Приемный отец, качая головой, говорит: «Ты убийца, сын мой. Убийца!»

Алексей пытается подняться на ноги, но неожиданно понимает, что у него, как и у Яна, они превратились в груды переломанных костей. Тогда он начинает ползти, видит дверь, толкает ее – и оказывается в кабинете, где за столом сидит мертвый отец. Вдруг покойник подымает голову, и Алексей в ужасе видит, что это хирург из анатомического театра, который заявляет: «Я все знаю! Ты заплатишься за грехи свои!»

Хирург наводит на Алексея револьвер, причем тот самый, бельгийский, из которого молодой человек планировал застрелить Яна, спускает курок, и Алексей переносится на кладбище, где оказывается перед могилами, – там покоятся отец, матушка, брат и сестренка. Но рядом появился и пятый холмик. Каменный ангел держит в руках крест, на котором высечено: «Алексей Павлович Спасович». Алексей понимает, что оказался у своей собственной могилы! Ангел открывает глаза и рокошет: «Пациент пришел в себя, пришел в себя, пришел в себя...»

– Пациент пришел в себя!

Алексей разомкнул веки, и в лицо ему ударил яркий свет. Наваждение исчезло, кошмарные видения пропали. Он попытался подняться, но у него ничего не получилось – тело было словно свинцовое. Когда глаза привыкли к свету, молодой человек понял, что находится в больничной палате. Над ним склонилось встревоженно-радостное лицо полной сиделки лет сорока, и мгновением позже в дверь вошел высокий лысый врач с тонкими усиками.

– Ну-с, Ян Казимирович, поздравляю! – произнес доктор, приближаясь к кровати. – Кризис наконец-то миновал, а сие значит, что с этого момента вы пойдете на поправку.

Ян Казимирович? И только через несколько показавшихся нескончаемыми секунд Алексей вспомнил, что произошло: смерть Яна; визит под его именем в логово врага; попытка террористов убить Беспалова.

Доктор тем временем водил пальцем перед лицом Алексея, затем изучал зрачки, отчего-то щипал за нос и стучал небольшим молоточком по коленкам.

– Рефлексы в норме, милостивый государь, – заявил он. – Впрочем, иного от молодого и здорового организма я и не ожидал. Вам сказочно повезло, взрыв не причинил вам вреда – всего несколько повреждений кожного покрова, о которых даже и говорить не стоит, да парочка легких ожогов. Однако должен сказать, что вы четыре дня находились между жизнью и смертью – у вас было воспаление мозговых оболочек, и окажись вы в наших руках несколькими часами позднее, то все закончилось бы для вас плачевно. Слава Всевышнему, этого не произошло, ведь в таком случае на наши головы пал бы гнев самого господина Беспалова!

Медик говорил вроде бы шутливым тоном, однако Алексей понял, что тот совершенно серьезен.

– Вы же теперь герой! – улыбнулся доктор. – Вы спасли жизнь Афанасия Игнатьевича, и он, насколько я понимаю, отныне ваш должник. Следствие установило – если бы не ваша поразительная смелость или, как бы сказать, безрассудство, то и Беспалов, и прочие, кто находился в приемной зале, погибли бы. А так вы просто вытолкнули бомбиста в окно, и адская машина сработала уже на земле. В результате были покалечены двое слуг, однако жертв, в частности покойников, могло быть неизмеримо больше.

Алексей закрыл глаза, думая о том, что судьба, похоже, потешается над ним: он желал отомстить Беспалову, а вместо того спас ему жизнь! Впрочем, в тот момент он менее всего думал о сохранности жизни Афанасия Игнатьевича, а заботился о своей собственной. Но все отчего-то уверены, что он старался спасти именно врага. Ну что ж, пускай продолжают так думать.

– Скажу честно, милостивый государь, на выздоровление повлиял и тот факт, что у вас была исключительная, я бы даже сказал, уникальная сиделка, – понизил голос медик. Алексей перевел взгляд на полнотелую особу в белой форме, но врач усмехнулся: – О, я имею в виду вовсе не Агриппину Феокистовну, хотя она, не смею этого отрицать, одна из лучших в своей области. Я веду речь о дочери Беспалова, Татьяне Афанасьевне. Она буквально не отходила от вас все эти дни, чем вызвала, надо сказать, большое неудовольствие своего батюшки. Впрочем, вот и она сама!

Доктор поднялся со стула, приветствуя юную даму в элегантном платье жемчужного цвета. Девушка была красива: светло-каштановые волосы, чуть раскосые зеленые глаза, бледная кожа, нежный овал лица. Алексей вспомнил: это и есть единственная дочка Беспалова Татьяна – помимо нее, у миллионера имелось еще три сына.

Сиделка и врач тактично вышли из комнаты, оставив дочку Беспалова и Алексея наедине. Татьяна приблизилась к кровати и, опустившись на стул, произнесла мелодичным голосом:

– Ян Казимирович, я очень рада, что вы пришли наконец-то в себя. Разрешите поблагодарить вас за то, что вы спасли жизнь моего отца, рискуя своей собственной.

Тонкая ручка девушки легла на лоб больного, и от ее прикосновения Алексей вздрогнул. Да что с ним такое? Рядом стоит дочка его врага, он не должен об этом забывать! И все же молодой человек был вынужден признать, что Татьяна Беспалова – самая прелестная юная дама, которую он когда-либо видел. И как только у жестокого чудовища, каковым бесспорно является Афанасий Игнатьевич, могла появиться такая дочка?

– Ах, у вас жар, – продолжала Татьяна, подымаясь. – Я должна немедленно сообщить Ивану Георгиевичу. И вы наверняка голодны. Ведь так, Ян Казимирович? Я сейчас же займусь обедом для вас!

Девушка вышла, Алексей вздохнул. Ну что же, похоже, никто не сомневается в том, что он – Ян Казимирович Левандовский.

В палату зашел Беспалов, и Алексей, увидев врага, окаменел. Тот, видимо, сочтя, что молодой человек выказывает к нему почтение, заявил:

– Сударь, бросьте эти церемонии. У нас не было возможности быть представленными друг другу, однако я не большой любитель расшаркиваний. Беспалов.

Он протянул огромную лопатообразную ладонь, покрытую жесткими черными волосами. На пальцах (ногти коротко подстрижены) сверкало два перстня – один с крупным квадратным бриллиантом, другой – с продолговатым рубином, что для хорошего вкуса явно чересчур. Однако несмотря на то, что рука походила на руку барина, Алексей понимал: Беспалов остался тем, кем был изначально – сибирским мужиком, готовым добиваться своих целей любым способом, даже преступлением.

Алексей не мог позволить себе ни секунды заминки – Беспалов вперил в него немигающий взор таких же, как у дочери, чуть раскосых глаз, привычно оценивающий любой нюанс в поведении собеседника, любую реакцию. Поэтому молодой человек подал ему ладонь – рукопожатие Беспалова было стальным, будто он хотел раздавить руку своего визави.

– Левандовский, – произнес Алексей, понимая, что произнесенное им сейчас имя становится для него своеобразным Рубиконом, границей между его прежней и новой жизнью.

– Знаю, – кивнул Беспалов. – И вы, Ян Казимирович, спасли мне жизнь. Не люблю слюнявых речей и долгих благодарностей, поэтому скажу всего один раз, и без свидетелей: merci. Все же не каждый был бы готов пожертвовать ради меня своей жизнью. А почему вы сделали это?

И снова изучающий, поистине инквизиторский взгляд. Еще до того, как Алексей нашелся с ответом, дверь палаты распахнулась, на пороге возникла сиделка, а вслед за ней вошла Татьяна с серебряным подносом, на котором возвышалась большая фарфоровая супница, рядом с которой стояла тарелка.

– Папа, ты опять за свое? – воскликнула сердито дочка. – Устроить Яну Казимировичу допрос с пристрастием ты можешь и позже, а лучше вообще забыть о подобном. Ведь так не относятся к своим спасителям!

Татьяна водрузила поднос на тумбочку и ласково сказала, обращаясь к Алексею:

– А теперь, Ян Казимирович, вы будете кушать. Иван Григорьевич прописал вам питательный куриный бульон, который быстро восстановит ваши силы.

– Танюша, я же должен знать, ради кого ты покидаешь родной дом и у чьей постели ты проводишь ночи напролет, – недовольно скривил рот Беспалов, и в его тоне явно звучали нотки недовольства.

Девушка тем временем зачерпнула ложкой ароматный бульон и поднесла ее ко рту Алексея.

– И вообще, дочка, доверь-ка лучше процедуру кормления больного достопочтенной Агриппине Феокистовне, – сказал Беспалов.

Это была не просьба, а приказ, и Татьяна повиновалась, уступив место сиделке. А миллионер, взглянув на Алексея, продолжил:

– Ян Казимирович, вам нужно набираться сил и как можно быстрее выздоравливать, потому что работа не ждет. Вы ведь желали работать на меня? Мне нужны такие, как вы!

– Папа, прошу тебя, только не заводи речь о работе! Яну Казимировичу надо сначала прийти в себя, – покачала головой девушка, а Беспалов добавил:

– Хорошо, не буду вам более докучать, однако мы на днях продолжим прерванный разговор. Желаю скорейшего выздоровления! – пожелал Беспалов и вышел.

Татьяна последовала за ним, но на пороге обернулась и ободряюще улыбнулась Алексею:

– Ян Казимирович, он всегда такой, вы не принимайте близко к сердцу. Однако вы ему понравились, уж я-то знаю!

Сиделка Агриппина Феокистовна, приняв эстафету, принялась с ложечки кормить Алексея.

– Как же вам повезло, в вас влюблена сама Татьяна Беспалова! – мечтательно проронила она.

– Что? – произнес грубо Алексей, мотнув головой.

Бульон растекся по подбородку, сиделка вытерла его салфеткой и запричитала:

– Вот они, мужчины, не могут понять чувств женщины! Да ведь невооруженным глазом видно! Вы спасли ее отца, что, наверное, и послужило отправной точкой. Татьяна Афанасьевна провела у вашей постели три ночи, и я сама видела, как она держала вас за руку и что-то шептала. Господи, как это прелестно!

Еле дождавшись, когда же болтливая сиделка накормит его и уйдет восвояси, Алексей закрыл глаза и задумался. Голова ныла, тело болело – сказывались последствия ранений. Слова Агриппины Феокистовны поразили его в самое сердце, в другой ситуации он наверняка был бы на седьмом небе от счастья, узнай, что красавица Татьяна к нему неравнодушна. Однако его занимало совершенно иное: похоже, ему потребуется изменить свой план, причем коренным образом.

Дочь Беспалова станет в нем ключевой фигурой. Он ведь никак до сих пор не мог придумать, как же в итоге завладеть империей Беспалова, которая принадлежит ему по праву. А теперь Алексей решил – он женится на Татьяне во что бы ни стало и через несколько лет превратится в единоличного хозяина всего, чем обладает враг. Тогда Беспалову не останется ничего иного, как покончить с собой.

Алексей, приняв решение, почувствовал усталость и быстро заснул – и на сей раз кошмары его уже не терзали.

Татьяна навестила больного на следующий день, и молодой человек, исподволь наблюдая за девушкой, находил тысячи едва заметных деталей, подтверждавших смелое заявление сиделки. Судя по всему, он, Алексей, для нее – герой вроде античных. А молодые девицы, в особенности столь романтично настроенные, как Татьяна, от подобного без ума. Дочка Беспалова сама

подтвердила это в разговоре, заметив:

– Ян Казимирович, новое время налагает отпечаток на человеческую суть: так, среди современных мужчин практически не осталось рыцарей, и вы – поразительное и тем самым чрезвычайно приятное исключение.

И с этими словами девушка склонилась над Алексеем и поцеловала его в лоб. Молодой человек уловил тонкий аромат духов и окончательно уверился в том, что Татьяна в него влюблена. Имеет ли он право манипулировать ее чувствами и использовать их в своих целях? Конечно же, да! Она – дочка врага, соответственно, тоже враг. И то, что она изображает из себя такую тонкую, ранимую, трепетную особу, все только ухудшает.

Алексей с нетерпением ждал нового визита Татьяны – ее присутствие волновало молодого человека, несмотря на то, что он собирался вести себя с ней если не надменно, то индифферентно (по крайней мере, сейчас). Вместо нее появился Беспалов, и Алексей в этот раз был готов к разговору с ним. Миллионер, как он отметил, был в плохом расположении духа, и немногим позднее выяснилось, что послужило тому причиной.

– Ян Казимирович, – заявил он, прохаживаясь по палате, – мы так и не завершили объяснения: так в чем же коренится причина вашего благородного поступка? С какой целью вы решили спасти меня? Скажу честно: в России имеется не менее сотни человек, которые с большой радостью сами подложили бы мне бомбу!

Алексей, наморщив лоб, произнес как можно более правдиво:

– Афанасий Игнатьевич, я бы мог долго рассказывать вам о том, что почитал своим долгом уберечь жизнь своего будущего хозяина, однако все было не так.

– Не так? – спросил, грозно взглянув на него, Беспалов.

– Увидев бомбу и сообразив, что она вот-вот сработает, я менее всего думал о вас, – продолжил Алексей. – И мне уж точно в тот момент было не до карьерных планов. Жертвой безумного террориста могло стать множество людей, в том числе – и я сам. Чтобы этого не произошло, я и бросился на него.

Воцарилось долгое молчание, в продолжение которого Беспалов, не отрываясь, смотрел на Алексея. Молодой человек выдержал его взгляд и, когда миллионер заговорил, понял, что одержал первую победу.

– Вы, Ян Казимирович, смелы и правдивы. Чрезвычайно редкое сочетание, – заявил он. – Другие бы на вашем месте стали пламенно убеждать меня в том, что мечтали спасти мою жизнь и почли это за великую честь, но вы, видимо, не из числа подхалимов. Как раз лгуны мне и не нужны – они могут в любой момент предать и перевернуться на сторону того, кто окажется сильнее меня. Собственно, я знаю, что никто и никогда не обретет большей силы, чем я, однако мне требуются люди, обладающие не только здравым рассудком, но и честью. И вы – именно такой.

Остановившись перед кроватью Алексея, он продолжил:

– Поэтому я принял решение: сразу же после выздоровления вы начнете работать на меня, и я уже знаю, какое задание вам будет поручено. Вы отправитесь за границу, в Британию, – нам нужно многому научиться у англичан.

«Он хочет отправить меня за границу: – с разочарованием подумал Алексей. – Но как же тогда быть с осуществлением моего плана. И как быть с Татьяной?»

– Делаю я это для вашего собственного блага, – как бы угадал частично его мысли Беспалов. – Хочу сразу же посвятить вас в семейную тайну: моя дочь Татьяна более не будет навещать вас в больнице, потому что сие не к лицу девушке, которая в ближайшее время сочетается узами брака!

И, попрощавшись, Беспалов удалился.

Алексей, откинувшись на подушки, кусал губы и думал. Его плану не суждено осуществиться! Выходит, он слишком слаб, дабы сразиться с Беспаловым? Тот наверняка пронюхал, что Татьяна влюблена в красивого молодого героя, и решил немедленно положить конец их отношениям, так, собственно, и не начавшимся.

У сиделки Алексей спросил о том, кто же является женихом Татьяны Беспаловой.

– Голубчик, неужто вы не в курсе? – удивилась Агриппина Феокистовна. – Об этом писали практически все столичные газеты! Афанасий Игнатьевич давно лелеял планы породниться с дворянским семейством, причем не абы с каким, а с одним из самых блестящих в империи. Говорят, он рассматривал возможность выдать единственную дочь замуж за заграничного принца или герцога, однако в итоге решил, что не в состоянии расстаться со своей любимицей и позволить ей уехать в чужую далекую страну.

Понизив голос, сиделка продолжила:

– Вроде бы господин Беспалов желал породниться с самими Романовыми, и у него на примете был даже молодой великий князь Дмитрий Сергеевич, троюродный племянник государя императора. Кстати, молодой человек был без ума от Татьяны Афанасьевны и даже просил ее руки. Но император, узнав о назревающем мезальянсе, лично запретил брак и велел передать Беспалову, что его заводы потеряют важные государственные заказы, если тот посмеет выдать дочку за Дмитрия Сергеевича. Как ни желал Афанасий Игнатьевич обрести зятя с дворянской кровью, деньги для него еще важнее, поэтому он с тяжелым сердцем отказался от затеи породниться с царем. Однако отыскал вскоре не менее родовитого кандидата – князя Михаила Столбунова-Энрици, последнего представителя этого благородного семейства в мужском колене. Столбуновы-Энрици в долгах как в шелках, и единственное, что у них осталось, – родословная, уходящая корнями чуть ли не к римским императорам. А заполучить в отцы своих внуков наследника Цезаря господин Беспалов совсем не прочь!

Алексей почувствовал, как жгучая обида захлестывает его душу.

– Значит, Татьяна выходит замуж за князя? – спросил он отрывисто.

– Именно, – подтвердила сиделка, – об их помолвке было объявлено недавно. И даже известна дата свадьбы – на Красную горку в следующем году. Не повезло вам, Ян Казимирович! А ведь вы были бы с Татьяной Афанасьевной такой прекрасной парой...

Дочка Беспалова навестила Алексея через неделю. Девушка была во всем черном, как будто блюла глубокий траур. Сначала Алексей даже не узнал вошедшую в палату незнакомку, одетую по последней парижской моде, и,

только когда она маленькой ручкой откинула густую вуаль, закрывавшую ее лицо, молодой человек понял, кто находится перед ним.

– Ян Казимирович, обстоятельства вынудили меня прекратить визитировать вас, – сказала Татьяна, и Алексей заметил в уголках ее глаз слезы. – Дело в том, что я скоро... скоро выхожу замуж.

– Мои поздравления, мадемуазель, – сухо обронил Алексей.

Татьяна внезапно бросилась к кровати и прошептала:

– Ян Казимирович, я должна открыть вам свою душу. Мой будущий супруг, Михаил Васильевич, человек во всех отношениях хороший, однако я не люблю его. Я... я люблю вас!

Алексей сообразил, что девушке стоило больших усилий, чтобы признаться ему, малознакомому мужчине, в своих чувствах, да еще зная, что не за горами свадьба!

– Татьяна Афанасьевна, – произнес он чуть изменившимся тоном, – я не имею права скрывать от вас свои чувства. Дело в том, что я тоже люблю вас, причем больше своей жизни!

Лживые слова с легкостью срывались с его губ, но Алексей отчего-то был уверен, что Татьяна тотчас распознает, что он кривит душой. Однако дочка Беспалова глубоко вздохнула и, склонившись над Алексеем, поцеловала его в губы.

Поцелуй был краткий, длился всего секунду, и к тому же на редкость целомудренный, но молодой человек почувствовал трепет, который охватил Татьяну. Она действительно любит его, а он беззастенчиво пользуется ее чувствами. Но нельзя забывать: Татьяна – дочка врага!

– Ян Казимирович... Ян, – тихо сказала девушка, откинув отчество, – но что же нам делать? Батюшка уже договорился о моей свадьбе с Михаилом Васильевичем, приготовления идут полным ходом. Но я не люблю князя! Я люблю вас... тебя!

Она схватила Алексея за руку и с жаром продолжила:

– Мы убежим из Петербурга и тайно обвенчаемся в сельской церквушке! И тогда батюшка будет вынужден капитулировать перед нашими чувствами. Хотя, зная его характер, надо рассчитывать на то, что он отринет меня. Однако так даже лучше! Мы начнем новую, неизведанную, совершенно иную жизнь, в которой будет только два человека – ты и я!

«Юная дурочка, начитавшаяся романтических баллад и дешевых бульварных романов», – вынес неутешительный вердикт Алексей. Богатая, избалованная девчонка, готовая отказаться от миллионов ради любви, не подозревая, какая именно жизнь ждет ее с человеком, рискнувшим навлечь на себя гнев ее могущественного батюшки. Если он тайно обвенчается с Татьяной, как та желает, то о мести можно забыть. Ему ни за что более не оказаться рядом с Беспаловым и уж точно не завладеть его империей. Но и если ничего не делать, позволить Татьяне выйти замуж за князя, то он тоже останется с носом...

– Милая моя, – произнес Алексей, – не стоит торопить события. Возможно, если твой отец узнает о наших чувствах, он передумает...

Девушка фыркнула:

– Ян, ты не знаешь моего батюшку! Он самый упрямый и жестокий человек, какой только жил на земле! Я уже много раз говорила ему, что равнодушна к Михаилу Васильевичу, но для батюшки важен тот факт, что род Столбуновых-Энрици по своей знатности ничем не уступает царскому. Отец давно все распланировал – сыновья, мои братья, со временем получают бразды правления предприятиями, банками, акционерными обществами и будут приумножать богатства семьи, а я, единственная дочка, буду принесена в жертву высшим интересам: крестьянский род Беспаловых породнится с аристократией. И мой сын, его внук, будет носить не только княжеский титул, но и получит многомиллионное состояние.

Дверь палаты распахнулась, появилась встревоженная сиделка Агриппина Феокистовна:

– Татьяна Афанасьевна, только что у крыльца остановился экипаж вашего батюшки, он с минуты на минуту будет здесь! Вам надо как можно быстрее уйти,

причем через черный ход!

Татьяна, снова поцеловав Алексея, шепнула:

– Я верю, ты придумаешь подходящий план!

Девушка скрылась, и буквально сразу в палату вошел Беспалов. Первым делом он втянул носом воздух:

– Знакомые духи, «Неаполитанская ночь», такие есть у моей дочери...

– И у меня, Афанасий Игнатьевич, – сказала, входя вслед за ним, Агриппина Феокистовна. Она в самом деле благоухала, как цветочная клумба, – наверняка вылила на себя никак не меньше половины флакона драгоценного французского парфюма. – Татьяна Афанасьевна была так добра, что преподнесла мне маленький презент.

Успокоившись, Беспалов дождался, пока сиделка не измерит температуру Алексею и не покинет палату, а затем сказал:

– Ян Казимирович, доктор Иван Георгиевич сообщил, что через два-три денька вы можете покинуть больницу, и это меня радует. Как я уже сказал, посылаю вас с чрезвычайно важным заданием в Великобританию, причем вам потребуется пробыть там никак не меньше года. Задание весьма деликатное, сопряженное к тому же с секретностью, однако обещаю вам – по его выполнению вы получите отличную должность во Владивостоке, станете там моим доверенным лицом и управляющим тамошних предприятий!

«Великобритания, а затем Владивосток. Какую, однако, честь оказывает мне господин Беспалов!» – мысленно усмехнулся Алексей. В пронизательности врагу отказать нельзя, – желая оградить дочь от возможного ухажера и не ставить под удар ее готовящуюся свадьбу с князем, Беспалов решил отправить опасного молодого человека в почетную ссылку.

– Об оплате можете не беспокоиться, – заявил миллионер, – я никогда не жалею денег на тех, кто мне предан. Ведь вы преданы мне, Ян Казимирович?

– Афанасий Игнатьевич, я не считаю личную преданность качеством, необходимым для взаимовыгодного сотрудничества, – ответил Алексей. – Однако вы вправе ожидать от меня полнейшей лояльности.

Беспалов, похоже, остался доволен ответом молодого человека.

– Да, такой человек, как вы, Ян Казимирович, мне нужен. По большей части меня окружают личности, желающие урвать жирный кусок и готовые поставить мне подножку при первом же удобном случае. Но вы спасли мне жизнь, и я вам верю.

«Однако дочку свою ты за меня замуж не выдашь, потому что я – не князь», – подумал Алексей с неожиданной злобой.

– Прежде чем вы отправитесь за границу, вам нужно будет ознакомиться с теми технологиями, изучать кои станет вашей задачей, – сказал Беспалов. – Поэтому на следующей неделе вы сопроводите меня в поездке по Сибири. А пока что желаю вам всего хорошего!

И, еще раз мощно втянув ноздрями воздух, Беспалов вышел из палаты.

Глава 8

Три дня спустя Алексей был выписан из больницы. Возле нее поджидал огромный автомобиль, посланный Беспаловым, который доставил молодого человека в одну из лучших гостиниц столицы, «Англетер», где в его распоряжении оказался номер люкс, оплаченный опять же новым работодателем. Не успел Алексей осмотреться, как раздался телефонный звонок – в трубке отделанного малахитом аппарата зарокотал бас Беспалова:

– Ян Казимирович, уверен, вам понравились ваши новые хоромы. Хочу напомнить – завтра мы отправляемся в путешествие.

Алексей воспользовался несколькими имевшимися в его распоряжении часами, чтобы узнать о судьбе настоящего Левандовского Яна. Совершил поездку в анатомический театр, где узнал, что тело погибшего было предано земле,

причем для всех похороненным оказался не кто иной, как Алексей Спасович. И могила его находилась рядом с могилами отца, матери, сестры и брата. Неужели сон, терзавший его в больнице, оказался вещим?

Пришлось отказаться от мысли посетить кладбище – о том, что он когда-то звался Алексеем, надо забыть. Молодой человек не ведал, каким способом ему удастся жениться на Татьяне и одновременно сохранить хорошее расположение Беспалова, однако точно знал: врагу придется заплатить за свои преступления. Он заберет у него самое ценное, чем обладал Беспалов, а именно дочку и империю. А затем и жизнь!

Следующим утром (с сизого неба срывались снежинки, ночью ударил мороз) автомобиль доставил Алексея к Ярославскому вокзалу. Он рассчитывал застать там скорый поезд, на котором и надлежало отправиться в Сибирь, однако молодой человек не ведал, что Беспалов никогда не передвигался на общественном транспорте – у него имелся собственный паровоз!

Миллионер прохаживался по платформе, отдавая приказания перетаскивавшим багаж слугам. Заметив Алексея, он с гордостью указал на состав:

– Ну что, Ян Казимирович, прокатимся-ка на моем красавце? Сделан в единственном экземпляре моими лучшими инженерами! В империи существует всего два человека, у которых имеются личные составы. Один из них я, а другой – государь император. У нас будет особое расписание, нам не придется стоять на запасных путях и ждать – наоборот, все прочие поезда будут уступать нам пути!

Алексей отметил: Беспалову доставляло несравненное наслаждение говорить о собственной исключительности. Они поднялись в вагон; обстановка была роскошная – позолота, бархатная отделка, сияющие бра и хрустальные люстры. В вагоне-салоне имелась карта Российской империи, собранная из драгоценных и полудрагоценных камней, в вагоне-ресторане – огромный аквариум, в котором плавали переливающиеся всеми цветами радуги коралловые рыбки, в курительном салоне – миниатюрный водопад в виде старинного замка.

– Не знаю точно, во сколько мне обошлась вся обстановка, – признался Беспалов, демонстрируя молодому человеку его купе (кровать, привинченная к полу, была всего одна, имелась собственная гардеробная и даже туалетная комната), – однако деньги для меня неважны.

«Конечно, – подумал Алексей, – после того, как ты угробил десятки людей, завладел их изобретениями, заводами и банками, деньги перестали играть для тебя главную роль. Теперь ты думаешь о том, как войти в историю и сделаться эдаким новым Крезом или царем Мидасом».

Беспалов оставил Алексея одного – молодой человек увидел через затемненное окно, как миллионер поспешно вышел на платформу. А затем его глазам открылась удивительная картина: появилась Татьяна в сопровождении статного, с напомаженной прической молодого мужчины в военной форме. Беспалов что-то грубо сказал девушке, однако та, наклонив голову вперед, ответила ему с тонкой улыбкой и взяла молодого человека (понятное дело, князя Михаила Васильевича Столбунова-Энрици) под руку. Появились носильщики с целым караваном чемоданов, кофров, сундуков и корзин. Беспалов, на лице которого были написаны раздражение и неудовольствие, отступил в сторону, а Татьяна, словно подчиняясь неведомому инстинкту, посмотрела в окно, за которым находился Алексей, – и молодому человеку почудилось, что их взгляды встретились.

Он вышел на перрон. Завидев его, Беспалов подошел к Алексею и процедил:

– Моя дочь, увы, унаследовала не только красоту своей покойной матери, но и мое феноменальное упрямство. Она возжелала сопровождать меня в путешествии по Сибири, заявив, что всегда желала побывать у озера Байкал и полюбоваться на Тихий океан. Причем никакими запретами ее не проймешь, раз она вбила себе в голову, значит, так тому и быть! Короче, Татьяна и мой будущий зять, князь Столбунов-Энрици, будут сопровождать нас.

Татьяна приблизилась к говорившим и слегка кивнула Алексею со словами:

– Рада видеть вас в добром здравии, Казимир Янович.

«Она даже забыла, как меня зовут», – подумал разочарованно Алексей.

Молодой князь сухо приветствовал Алексея, относясь к нему как к прислуге. Что ж, похоже, Татьяна переняла манеру общения лощеного аристократа с крошечными, словно пририсованными углем, усиками. Мадемуазель Беспалова с удовольствием готовится стать ее светлостью княгиней Столбуновой-Энрици.

Поезд отправился в путь около полудня – большую часть дня Алексей провел в вагоне-салоне вместе с Беспаловым и несколькими сопровождавшими его инженерами, где они, раскатав чертежи, обсуждали разнообразные технические тонкости. После ужина (во время которого Татьяна любезничала со своим женихом, напроочь лишенным чувства юмора) Алексей удалился к себе в купе, принял прохладный душ и, завернувшись в халат, вытянулся на кровати. Поезд мчался по империи во мраке, мерно стучали колеса, купе заливал рассеянный свет ночника, сделанного в виде раскрывшего клюв золотого лебедя.

Алексей сам того не заметил, как задремал. Его разбудил легкий стук в дверь. Он прислушался и решил, что ему показалось, – часы показывали половину второго ночи. Когда молодой человек протянул руку, чтобы выключить ночник, стук повторился. Алексей распахнул тяжелую дверь из красного дерева с затейливой бронзовой ручкой – и увидел на пороге Татьяну в атласном халате перламутрового оттенка.

Приложив палец к губам, девушка проскользнула в купе Алексея, задвинула за собой дверцу и повисла у молодого человека на шее, покрывая его лицо жаркими поцелуями.

– Милый мой Ян, – шептала она, – как же мне было тяжело без тебя все эти дни! Я только и думала что о тебе!

Алексей чуть отстранил от себя дочку Беспалова:

– Но твой жених...

– Другой возможности принять участие в поездке просто не было! – сказала Татьяна. – Если бы я появилась одна, отец непременно отослал бы меня обратно, но, увидев меня в сопровождении Михаила, не решился. Еще бы, нельзя же распоряжаться будущим зятем, как лакеем. Милый Ян, я невыносимо страдала, будучи вынужденной вести себя с тобой столь холодно и безразлично, но я должна играть эту роль, дабы не вызвать подозрений батюшки. Покуда он уверен, что я обожаю Михаила и не замечаю тебя, мы сможем быть рядом. Если не днем, так хотя бы ночью!

И с этими словами она застенчивым жестом сбросила на пол халат, оставшись в тоненьком шелковом пеньюаре бледно-розового цвета. Алексей молчал, вперив

взгляд в пол. Имеет ли он право воспользоваться ситуацией? Ведь Татьяна не виновата в том, что ее отец – чудовище.

– Милый Ян, ты отвергаешь меня? – спросила, едва не плача, Татьяна. И нагнулась, поднимая халат.

Алексей наконец решился. Ему не следует быть сентиментальным: дочка Беспалова – единственная возможность осуществить план мести.

Руки их встретились. Татьяна подняла лицо, по которому текли слезы.

– Моя хорошая девочка! Я знаю, на какой риск ты идешь, появляясь у меня ночью, – произнес Алексей, заботясь о том, чтобы его голос звучал как можно более нежно и трепетно. – Я ведь так люблю тебя!

– Истинно? – спросила, заливаясь краской, Татьяна. Она выпрямилась – Алексей заметил ее высокую упругую грудь, нервно вздымавшуюся под пеньюаром.

– Конечно же, истинно, Танюша, – ответил Алексей, чувствуя, что в нем распаляется желание. Последний раз он был близок с женщиной много месяцев назад, да и то хоть и с молодой, но на редкость безобразной публичной девкой. А сейчас юная богиня, дочка миллионера, влюбленная в него, предлагала себя самое, ничего не требуя взамен.

Алексей привлек к себе Татьяну и поцеловал. Девушка застонала так сильно, что он испугался, – их кто-нибудь может услышать! А потом сообразил: его купе находится в конце поезда, в то время как покои самого Беспалова, его дочери и князя Столбунова-Энрици располагались в голове состава.

Татьяна походила на молодую лань, а он был опытным охотником. Алексей спустил с девушки шелковый пеньюар, упавший на персидский ковер, что покрывал пол купе. Татьяна вытащила из волос длинный черепаховый гребень, и каскад длинных каштановых локонов заструился по ее мраморным точеным плечам, ниспадая на тонкую спину и прикрывая небольшие прелестные груди с сосками, походившими на нераспустившиеся розы.

Девушка стыдливо прикрыла наготу руками, опустив голову. Алексей хрипло прошептал, беря Татьяну за подбородок:

- Милая моя, ты не должна стыдиться своего совершенства.

Татьяна улыбнулась и отвела руки, позволяя Алексею вдоволь насладиться идеальной красотой ее юного тела. Девушка сейчас напоминала статую работы Праксителя. Или героиню картины прерафаэлитов: «Королева Гинерва предается греху с рыцарем Ланцелотом».

Желая погасить свет, Алексей потянул руку к выключателю, но Татьяна, в глазах которой горело лукавство, оттолкнула его руку:

- Прошу, не надо темноты!

И она помогла Алексею избавиться от халата. На мгновение, когда ее взгляд перешел с лица молодого человека на шею, оттуда – на мускулистое худощавое тело, затем на плоский живот и наконец скользнул еще ниже, в ее глазах отразилось любопытство, затем смятение и даже страх. Теперь Алексей потянулся за халатом, желая во что бы то ни стало прикрыть свою возбужденную наготу, но Татьяна решительно остановила его, прошептав:

- Именно таким я и представляла себе своего любимого. Только вот... – Она смешно наморщила нос. – Только вот, милый Ян, я и представить себе не могла, что созданная Господом мужская анатомия такая... colossal[3 - Внушительная (фр.)]. Верно, прав господин Дарвин, утверждающий, что люди произошли от обезьян. В особенности сильный пол!

И девушка прильнула к Алексею. Он чувствовал ее обнаженное тело, пальцы скользили по бледной, словно нарисованной кистью гениального художника эпохи Ренессанса, коже, покрытой тонкой пленкой влаги. Их сердца, казалось, стучали в такт колесам поезда, что мчал их через бескрайнюю, полную загадок страну.

- Милый Ян, – отстранившись на мгновение, произнесла Татьяна, – я должна открыть тебе свой секрет. Я понимаю, что ты уже... что у тебя... В общем, милый Ян, что для тебя это не первый раз! Я ведь не простушка и знаю на примере собственных братьев – их мысли заняты этим едва ли не с двенадцати лет. Но

я... для меня... я так хотела, чтобы именно мой возлюбленный был со мной в первый раз...

Алексей накрыл ее рот поцелуем, и Таня, забыв обо всем на свете, вверила свою душу и свое тело его крепким объятиям.

Три часа спустя она покинула купе Алексея, оставив его спящим на кровати. И если бы кто-то повстречал девушку в лабиринте вагонов, то поразился бы странной улыбке, блуждавшей на ее лице.

Алексей же, проснувшись, в первую секунду решил, что ему привиделся небывалый, полный страсти сон. И, только обведя купе глазами и обнаружив на полу черепаховый гребень, он понял: все было на самом деле. Татьяна провела с ним ночь, и он стал ее первым мужчиной.

В дверь постучали, а затем и распахнули – на пороге возник Беспалов собственной персоной.

– Ян Казимирович, доброе утро, – пророкотал миллионер. – Однако разоспались же вы! Половина восьмого, давно пора подниматься. Через час прибываем в Первопрестольную.

Алексей видел гребень, лежавший на ковре всего в нескольких сантиметрах от носка надраенного до блеска сапога Беспалова. Молодой человек и представить себе не мог, что тот сделает с ним, если узнает о ночном randevu в этом купе. Не исключено, что его тело исчезнет в топке паровоза после того, как миллионер лично, голыми руками вырвет из его груди сердце.

– В Белокаменной я начинал свою карьеру, – обронил миллионер задумчиво, отходя в сторону и по-прежнему не замечая гребень. Стоя у окна, он распахнул занавеску – в купе влился свет серого ноябрьского утра. Мелькали темные леса, покосившиеся домишки, церквушка на холме. – В столице русских царей, в отличие от столицы российских императоров, особенно не развернешься: всюду сонное царство, апатия и барские замашки. А ведь надо думать о прибыли! Было у меня в Москве несколько друзей, но иных уж нет, а те далече... Так что подымайтесь, Ян Казимирович, через полчаса завтрак в вагоне-ресторане.

И, резко развернувшись, Беспалов вышел, наступив на гребень, жалобно треснувший под его медвежьей тушей. К счастью для молодого человека, миллионер был погружен в свои думы и этого не заметил. Едва он удалился, Алексей вынырнул из-под одеяла и в костюме Адама бросился подбирать осколки украшения, уличающего его в прелюбодеянии.

А двадцать пять минут спустя он, облаченный в мундир, находился за столом. Напротив него сидел надутый князь Столбунов-Энрици, а Татьяна отсутствовала. Как сообщил Беспалов, его дочка страдала ночью от зубной боли, поэтому практически не спала и только сейчас, приложив к больному месту гвоздику, что облегчило страдания, наконец-то сумела забыться.

– В Москве вам, князь, будет поручено сопроводить мою дочь к дантисту, – отдал приказание Беспалов.

Князь тотчас принялся рассказывать историю из придворной жизни о том, как один из его предков оказал неоценимую услугу императрице Елизавете, собственноручно выдрав на богомолье не дававший покоя дочери Петра Великого зуб, за что был награжден ею табакеркой с бриллиантами, двадцатью тысячами червонцев и тремястами крепостных душ.

– Да, князь, хорошие времена для вас тогда были, – заметил, срезая золоченым ножиком верхушку яйца, Беспалов. – Ваши предки купались в роскоши и были в фаворе, а мои тогда тянули лямку, будучи чьей-то собственностью. Как, кстати, называлась-то подаренная Елизаветой деревенька, случаем не Гнездовище? А то невзначай выяснится, что ваш предок владел моим предком. А сейчас все наоборот!

Афанасий Игнатьевич расхохотался собственной шутке, князь кисло улыбнулся и тотчас завел разговор о погоде. Алексей же в мыслях все возвращался к событиям прошедшей ночи – ему ли не знать, что Татьяна в самом деле не сомкнула глаз, только вовсе не по причине острой зубной боли. Только правильно ли он сделал, поддавшись своей похоти, что соблазнил девушку? Хотя ситуация сложилась так, что правильнее было бы говорить о его соблазнении дочерью Беспалова. Но в любом случае что ему это дает? Только лишние проблемы!

В Москве долго не задержались. Татьяна Афанасьевна, пробудившись, заявила, что зубную боль как рукой сняло, и наотрез отказалась посещать дантиста. Отец пригрозил, что, если зуб у нее снова разболится за Уралом, дочери придется терпеть, пока они не вернутся обратно в Петербург.

– Папочка, я же твоя дочь, значит, буду терпеть. Причем с наслаждением! – ответила Татьяна со странной улыбкой на лице, чем смутила Беспалова.

Грядущей ночью Татьяна снова проникла в купе к Алексею. На этот раз все было по-другому: никаких долгих ласк, а только животный экстаз – молодому человеку пришлось изрядно потрудиться, исполняя все желания неистощимой на выдумки Тани, которая, открыв новую, прежде не изведенную страницу книги жизни, мечтала обо всем и сразу.

Во время путешествия в поезде появился еще один пассажир – средний сын Беспалова Кирилл, молодой человек лет двадцати семи, севший в Екатеринбурге. Кирилл держал в руках бразды правления несколькими заводами, и отец, проинспектировав их, остался доволен, хотя не удержался от некоторых едких комментариев и замечаний.

Алексей и Татьяна продолжали опасную игру, хотя и понимали, что в случае разоблачения грядет вселенская катастрофа. Алексей видел: с каждым ночным свиданием Татьяна все сильнее привязывается к нему, что, собственно, и было частью его плана. Однако он также знал – Беспалов ни за что не даст разрешение на брак дочери с ним, не разорвет ее помолвку с князем Столбуновым-Энрици.

Требовалось чудо, и оно пришло.

Афанасий Игнатьевич любил рассуждать о том, какой он всемогущий. И почти всякий раз он затрагивал тему покушения в Петербурге.

– Эти трусливые крысы, так называемые революционеры, просто дрянные мальчишки, которых надо нещадно сечь розгами, – заявил он как-то. – Для них я классовый враг, воплощение бездушного капиталиста, идущего через трупы ради достижения своих низменных целей. Поэтому они и стремятся уничтожить меня!

Алексей нашел, что полностью согласен с идеями бомбистов, однако, конечно же, благоразумно смолчал и не высказал свои мысли вслух.

– Однако у них ничего не получилось, потому что Господь послал Яна Казимировича, отведшего от меня смертельную угрозу, – продолжал миллионер. – Девицу, протащившую бомбу ко мне в особняк, будут судить, причем я лично прослежу за тем, чтобы ее не оправдали сердобольные присяжные, – она должна до конца жизни гнить на каторге или, лучше того, завершить свои дни на виселице!

Кровожадность Беспалова никого давно не удивляла – он на полном серьезе считал, что является кем-то наподобие небожителя и покушение на него равносильно святотатству.

– И ее негодяев-сообщников тоже в скором будущем изловят, тех самых, что прислали мне письмо с угрозами, – завершил свою тираду миллионер. – Смеют, видите ли, мне снова угрожать, заявляя, что я понесу суровую кару за смерть их товарища.

– Отец, быть может, стоит привлечь к этому делу полицию или частное сыскное агентство? – внес предложение Кирилл, на что Беспалов ответил гомерическим хохотом.

– Я никого не боюсь, и уж в последнюю очередь каких-то молодых неудачников! – отрезал Беспалов, и на том разговор завершился.

Один из ночных визитов Татьяны едва не завершился катастрофой – где-то часа в три Беспалов, который мучился бессонницей, решил побеседовать с Алексеем и начал тарабанить в дверь его купе, не подозревая, что там находится сейчас его дочь. Татьяна спряталась в ванной комнате, а молодой человек был вынужден впустить миллионера. Только с большим трудом ему удалось отделаться от разговорчивого Беспалова – и после этого происшествия было принято решение сделать небольшую паузу и более не встречаться.

Татьяне временное расставание давалось тяжело. Алексей видел, что она безумно влюблена в него, но ситуация начинала его раздражать. Получается, что его использует не только сам Беспалов, но и его дочка! Она выйдет замуж за князя, а ему не останется ничего иного, как отправиться за границу с

поручением Беспалова.

Глава 9

В ночь после остановки в Е. (частично сменился обслуживающий персонал, и были пополнены запасы провизии) Алексей лежал у себя в купе и, слушая стук колес на стыках рельсов, размышлял о том, что же будет с ним дальше. Татьяна все настойчивее предлагала после прибытия во Владивосток сбежать на пароходе в Америку и там начать новую жизнь, однако он каждый раз отвергал ее план. Она-то думала, что Алексей любит ее, и молодой человек не разубеждал романтически настроенную девушку, однако сам знал точно: побег ничего не даст, он только окончательно потеряет возможность отомстить Беспалову.

Сон все не шел. Заложив руки за голову, Алексей смотрел в черное, незанавешенное окно. Похоже, все скоро закончится. И его свидания с Татьяной ничем не завершатся, любовная связь с ним станет приятным эпизодом в жизни дочери миллионера, которая всего через несколько месяцев превратится в княгиню. Или она думает, что их отношения продолжатся и после ее свадьбы? Наивная, избалованная девчонка, всегда получающая все, что хочет! Вот если бы стать ее мужем, тогда бы у него был реальный шанс покарать Беспалова...

Алексей прикрыл глаза, чувствуя, что его наконец одолевает сон, и в этот момент раздался отдаленный взрыв, поезд сразу же очень сильно тряхнуло. Алексей слетел с кровати и очутился на полу. Вагон, страшно заскрипев, накренился набок. Молодой человек понял – произошло что-то непредвиденное, скорее всего, состав сошел с рельсов. И едва он это понял, вагон начал заваливаться – вещи, стоявшие на полу, взметнулись вверх, кровать едва не придавила Алексея, но молодой человек, изловчившись, выбил ногой стекло и выбрался наружу.

Его сразу же пронзил холод – температура воздуха была, наверное, минус тридцать, они находились где-то на бескрайних просторах Сибири. Вагон лежал на насыпи на правом боку. Всмотревшись в даль, Алексей увидел багровое зарево: похоже, ему, находившемуся в последнем вагоне, сказочно повезло, и основной удар принял на себя паровоз-тягач и первые вагоны.

Прогремел новый взрыв, взметнулись языки оранжевого пламени, и, заслонив голову руками, Алексей почувствовал жар, ударивший ему в лицо. В первых вагонах, громоздившихся в причудливом беспорядке примерно в ста метрах от него, бушевал пожар, а там находились Беспалов, его сын, князь Столбунов-Энрици и Татьяна.

Повинуясь внутреннему голосу, Алексей спрыгнул в снег и, взобравшись на насыпь, побежал в сторону головы состава. Отовсюду слышались стоны, он видел нескольких окровавленных слуг, пытавшихся выбраться наружу. Чем ближе он подходил к первым вагонам, тем сильнее чувствовался яростный жар.

Алексей заметил метавшуюся фигуру и, приглядевшись, увидел, что это молодой князь в одном исподнем. Бравый военный, трясясь, стонал:

– Какой ужас, какой ужас! Помогите мне, Левандовский! Афанасий Игнатьевич ранен!

«И почему только не убит?» – подумал злобно Алексей.

Вагон, в котором размещалось купе миллионера, был искорежен и стоял практически вертикально, походя на костлявый, устремленный в ночное небо палец. Из нижнего окна высовывалась чья-то рука, и, заметив блестящие перстни, Алексей понял, что там Беспалов.

Князь Столбунов-Энрици суетился, треща то по-русски, то по-французски, то по-английски, отдавая глупые приказания и отчего-то икая. Возник Кирилл Беспалов, который, прихрамывая, прыгал по снегу – похоже, у него была сломана правая нога. И все же он помог Алексею извлечь из окна огромную тушу Беспалова. Миллионер выглядел ужасно – бородатое лицо и волосатая грудь были залиты кровью, из предплечья торчал огромный кусок стекла, и миллионер, изрыгая матерные ругательства, кричал:

– Поставьте меня на ноги, остолопы! Я их почему-то не чувствую!

Миллионера оттащили в сторону (князь постелил на снег чью-то шинель) и бережно уложили. Беспалов вытащил из руки кусок стекла, при этом и глазом не моргнув, затем спросил:

– Где Татьяна?

Около них металась слуги, но Тани среди них не было. Миллионер, охнув, попытался приподняться, но не смог.

– Чертовы ноги! – завопил Афанасий Игнатьевич. – Они меня не слушаются! Князь, дуралей, где моя дочь и твоя невеста?

Столбунов-Энрици простонал:

– Я не знаю... Я думал, что ей удалось выбраться из купе... Был такой мощный взрыв, что у меня в ушах заложило и в глазах потемнело...

– Танечка осталась в поезде! – взвыл Беспалов и снова попробовал привстать, однако у него ничего не вышло.

Кирилл беспомощно произнес:

– Отец, у меня сломана нога, но я попытаюсь...

– Эй, князь, ты должен спасти мою дочку! – прохрипел Беспалов, хватая Столбунова-Энрици за шиворот. – Ты слышишь, немедленно!

Внезапно вагон, стоявший вертикально, с сатанинским гулом и скрежетом дрогнул, накренился и упал. Посередине прошла трещина, как будто вагон был сделан из папье-маше, и оттуда в черное ночное небо вырвались языки пламени.

Князь, оттолкнув от себя миллионера, попятился и произнес, указывая на вагон, объятый пламенем:

– Афанасий Игнатьевич, это полностью исключено! Мне тоже очень больно осознавать, что Татьяна погибла, но мы ничем не можем ей помочь! Я не собираюсь подвергать свою жизнь риску и выполнять ваши приказания!

Беспалов зарычал, как раненый медведь. Алексей бросился вперед. Вагон, в котором находилась Татьяна, был в огне, и, скорее всего, он ничего не сможет

изменить, однако попытаться должен. Потому что судьба смилостивилась над ним и предоставила еще один шанс!

Алексей рванул на себя одну из дверей, но ту заклинило. Тогда, подтянувшись, он проник в окно и оказался в коридоре. Роскошная обстановка была уничтожена, вагон заполнял едкий черный дым, резавший глаза и не позволявший вздохнуть.

– Таня! – крикнул Алексей и прислушался, однако ответа не последовало – слышен был только гул пламени. На ощупь молодой человек двинулся по коридору в ту сторону, где, по его разумению, находились апартаменты Татьяны. Вот и дверь. Он раскрыл ее – и оттуда вылетело огненное щупальце. Нет, ничего поделать уже было нельзя, дочка Беспалова погибла...

Алексей, чувствуя, что воздух, набранный в легкие, на исходе, развернулся, чтобы покинуть вагон, как вдруг ему показалось, что он слышит тихий стон. Алексей бросился в соседнее купе – и увидел лежащую на полу фигурку в обгорелом пеньюаре. Он подхватил девушку, прижал к себе и бросился прочь.

Из вагона ему помогли выбраться Кирилл и несколько слуг. Татьяна скулила, как щенок, и Алексей гладил ее по обугленным волосам. Внезапно (всего на мгновение!) ему стало жаль дочку Беспалова. Однако он спас ее, потому что смерть Тани привела бы к крушению грандиозного плана его мести.

Раздался оглушительный удар – соседний вагон, тоже стоявший вертикально, рухнул на тот вагон, где всего минуту назад были Алексей и Татьяна. Замешкайся он немного – и нашел бы там верную смерть.

На снегу было расстелено несколько тряпок – Алексей бережно положил на них Татьяну. Волосы закрывали ее лицо, и когда он осторожно отбросил их, то в ужасе отшатнулся – его покрывала кроваво-черная маска.

При железнодорожной катастрофе погибли шесть человек и больше дюжины были ранены. Комиссия, приступившая к работе следующим утром, установила, что причиной всего послужил взрыв в топке тягача, инициатором, как оказалось, революционером, пробравшимся в поезд под видом помощника машиниста. Собираясь довести до конца начатое его сообщниками, он желал уничтожить Беспалова и всех, кто находился в поезде, поэтому, спрятав в куче

угля динамитную шашку, сам заблаговременно покинул состав и наблюдал за взрывом издали.

Пострадавших доставили в ближайшую деревню, куда из Омска прибыли лучшие врачи. Более всех пострадала Татьяна – она получила обширные ожоги, и Беспалов буквально выл от отчаяния, узнав об этом. Он сам получил травму позвоночника и не мог ходить, однако медики уверяли его, что смогут вернуть ему способность двигаться. У Кирилла была сломана нога в двух местах – можно сказать, пустяковая травма, для жизни не опасная. Больше всех повезло князю Столбунову-Энрици: как выяснилось, в момент взрыва и последующего крушения состава он находился в туалетной комнате (как шептались, на фарфоровом биде), поэтому ему удалось выбраться одним из первых и не получить ни царапины.

Врачи прооперировали Беспалова, и его выздоровление было вопросом времени, но миллионера заботила исключительно судьба любимой дочери. Физическое состояние Татьяны не внушало особых опасений, угрозы ее жизни не было, но отца пугало другое – тело дочери и в особенности лицо были покрыты безобразными ожогами и ранами, и срочно приехавший из Санкт-Петербурга хирург, специализировавшийся на подобных травмах, только развел руками:

– Мы сделаем все, что в наших силах, Афанасий Игнатьевич, однако, боюсь, Татьяна Афанасьевна навсегда останется изуродованной...

В бешенстве Беспалов швырнул в хирурга кофейник, и только по счастливой случайности эскулап не пострадал. На особом поезде, находившемся под охраной полиции, Татьяну перевезли в Омск, где она пробыла около двух недель, а затем врачи согласились на транспортировку пациентки в Петербург.

Беспалов винил в произошедшем себя – ему было невыносимо наблюдать за тем, как страдает его любимая Танюша. Он в необычайно грубой форме расторг помолвку дочери с князем Столбуновым-Энрици, помня о том, как трусливо тот повел себя, не желая рисковать жизнью ради спасения Татьяны. Да и князь, посетив свою невесту, выскочил из ее палаты три минуты спустя и заперся в туалете, где его долго выворачивало. В тот же день аристократ отбыл в столицу другим поездом, заявив, что при сложившихся обстоятельствах вести речь о свадьбе, в самом деле, trop bete[4 - Чрезвычайно глупо (фр.)].

Алексей по приказанию Беспалова сопровождал их обратно в Петербург.

– Таня хочет видеть тебя, – заявил миллионер, обращаясь к нему. – Ты – единственный, кому она доверяет. Ну, топай к ней!

Алексей прошел в просторное купе, окно которого было занавешено. Сиделка вышла в коридор, оставив его наедине с Татьяной. Та лежала на кровати с пологом из тюля.

– Я так рада, что ты пришел, – услышал Алексей голос и едва удержался, чтобы не вздрогнуть: так разительно он отличался от прежнего мелодичного тембра Татьяны Беспаловой. Ему казалось, что он говорит со столетней старухой. Как сказали врачи, у девушки сильно пострадали верхние дыхательные пути, не исключено, что и после заживления ран прежний голос к Татьяне не вернется.

– Прошу тебя, милый Ян, подойди ко мне, – попросила Татьяна, и из-под полога появилась рука – белая, тонкая. Алексей подошел к кровати и, поддавшись порыву, страстно поцеловал руку девушки.

– Я все думаю, не является ли эта катастрофа наказанием за то, что мы с тобой делали, – продолжила Татьяна. Алексей видел фигуру, лежавшую на кровати, однако не мог разглядеть лица. – Ведь только я была так сильно искалечена. Михаил, мой жених, едва не упал в обморок, увидев свою суженую. Поэтому неудивительно, что он бежал отсюда сломя голову. И даже мое миллионное приданое его не остановило.

Алексей услышал, что Татьяна начала плакать. Он попытался откинуть полог, но девушка воскликнула:

– Нет, не надо, милый Ян! Ты – мой любимый... Ты – мой друг, и я не хочу потерять тебя!

– Ты не потеряешь меня, Таня, – медленно произнес Алексей и раздвинул полог.

Та, которая лежала на белоснежных простынях, не могла быть Татьяной. Перед ним находилась сказочная ведьма – с абсолютно лысой, шишковатой, покрытой язвами и струпиями головой. Носа практически не было, как и левого уха, рот

превратился в утиную гузку, и только глаза – зеленые, мерцающие, как изумруды, – были прежние. Алексей сдержал глухой сон, и все же его реакция не ускользнула от Татьяны.

– А ведь мне всего девятнадцать лет, – тихо промолвила несчастная девушка. – Папа обещал, что мной займутся лучшие хирурги мира, но... никто не сможет ничего исправить. Оставшуюся жизнь мне придется жить уродиной! Но это еще не все!

Медленно она потянула вверх сорочку, и Алексей увидел тело: оно было покрыто ожогами. Ужаснее всего был контраст – правая половина была практически нетронутой, в то время как левая представляла собой сплошную рану.

– Я не смогу, я не хочу так жить! – простонала девушка. – Я знаю, милый Ян, что ты спас меня, но лучше бы ты оставил меня в вагоне! По крайней мере все мучения для меня уже прекратились бы.

Вот оно, возмездие, понял Алексей. Он может сейчас развернуться и уйти восвояси. Беспалов до конца жизни не оправится от такого удара, и никто не в состоянии помочь ему. Или... Или он может остаться и довершить до конца то, о чем мечтал практически постоянно.

Молодой человек осторожно взял Татьяну за руку и поцеловал каждый пальчик. Князь Столбунов-Энрици трусливо бежал, наверняка по прибытии в столицу он распустит сплетни, и еще до прибытия поезда все будут знать, что дочка Беспалова превратилась в бабу-ягу. И вряд ли кто-то захочет взять ее в жены, не поможет даже и гигантское приданое.

– Таня, я люблю тебя, как и прежде. Хотя нет, даже еще сильнее, – сказал Алексей, чувствуя в душе абсолютную пустоту. Татьяна будет принадлежать ему и только ему!

Девушка заплакала:

– И я тебя тоже, милый Ян. Но если ты скажешь мне сейчас, что между нами все кончено...

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой, – заявил Алексей.

Беспалов, узнав о предложении, вызвал к себе Алексея. Миллионер сидел в большом кресле и, как только молодой человек вошел, впери в него взгляд.

– Мои честолюбивые планы породниться с князьями пошли прахом, – сказал он после долгого молчания. – Да и безденежный поручик был бы отвратительным мужем дочери, проматывал бы мое состояние и наставлял рога Танечке. Я с самого начала знал, что он женится на ней в первую очередь ради денег. А ты, Левандовский, что движет тобой?

Алексей медленно произнес:

– Я люблю вашу дочь, Афанасий Игнатьевич. Причем наши чувства вспыхнули еще до начала рокового путешествия. Я люблю Татьяну и хочу быть с ней вместе.

Беспалов забарабанил пальцами по подлокотнику кресла:

– Если бы ты заявил мне, что влюбился в нее сейчас, я бы выбросил тебя с поезда. Но ты, как я вижу, не из разряда охотников за приданым. Те обычно трусливы, как идиот-князек. Ты дважды рисковал собственной жизнью: один раз спас меня, а второй – Танечку. Так что я верю тебе, Левандовский. Однако учти... – Он сжал кулак и поднял его вверх. – Ты не посмеешь причинить ей душевную боль. Потому что в таком случае пощады тебе не будет. И вот еще что, Левандовский. Ты ведь польский дворянчик, так как у вас там насчет родословной...

Свадьба, как и планировалось, состоялась на Красную горку, однако венчание прошло в тесном семейном кругу, а приема по столь торжественному случаю не было. Невеста выглядела ослепительно в платье, изготовленном в Париже и украшенном жемчугом и бриллиантами, но никто не видел ее лица, прикрытого густой вуалью.

Первая брачная ночь закончилась плачевно – Алексей так и не смог овладеть женой, заснул около нее, а на следующий день, сказав, что ему требуется уладить срочные дела, посетил бордель. Та ведьма, что лежала рядом с ним в кровати, не была прежней Татьяной, заставлявшей его кровь кипеть от страсти.

Алексей познакомился с двумя другими братьями Татьяны: тридцатилетним Игнатом, предпочитавшим откликаться на «Жоржа», – он обитал в Париже, считал себя одаренным художником и был на ножах с отцом и с двадцатидвухлетним Василием, специально прибывшим из-за океана, где он учился в престижном американском университете. Игнат был экзальтированным типом с длинными, до плеч, черными волосами и ухоженной эспаньолкой. Он постоянно твердил о том, как ему скучно и неприятно жить в России, и превозносил на все лады Париж, пытаясь доказать отцу, что вот-вот состоится его персональная выставка – и весь мир узнает о появлении нового гениального художника. Василий, напротив, был не по годам серьезен, носил очки и здраво рассуждал о расширении семейного бизнеса и о новых способах зарабатывания денег. Беспалов, который раньше живо интересовался всем, что связано с увеличением капитала, был апатичен: он никак не мог смириться с тем, что его единственная дочка утратила свою красоту.

Алексей, наблюдая за членами семейства Беспаловых, составлял собственное суждение о каждом. Игнат для него опасности не представлял, Кирилл был хотя и честолюбив, но импульсивен и недалек, а вот Василий представлял собой реальную угрозу: он был умен, наблюдателен и не скрывал, что стремится получить все.

Братья отнеслись к мужу сестры равнодушно, ведь никто из них и помыслить не мог, что Алексей желает отобрать у них созданную отцом империю. Беспалов переменял решение, и Алексей не поехал за границу, оставшись в Петербурге. В течение короткого времени он отлично зарекомендовал себя, и миллионер стал доверять ему даже больше, чем родным сыновьям.

Под предлогом того, что жить с Афанасием Игнатьевичем под одной крышей молодым неловко и не соответствует статусу семьи, Алексей выбрал особняк в венецианском стиле на Караванной и обосновался там с Татьяной. К большой его радости, врачи постановили, что жене вредны волнение и стресс, а под данную категорию попадали и любовные ласки. Узнав о том, что жена беременна, Алексей был шокирован, но затем понял – это плод их любви в поезде!

Медики уверяли Татьяну, что беременность губительна для ее организма, она не выдержит таких нагрузок, и настоятельно предлагали избавиться от ребенка, но Татьяна проявила силу воли, заявив, что не намерена идти на поводу у советчиков. Беспалов, всегда мечтавший о внуке, был встревожен, но Алексей

заверил его, что врачи не видят препятствий для того, чтобы Татьяна стала матерью. В глубине души Алексей надеялся, что роды станут для Татьяны смертельными, и тогда он сможет избавиться от опостылевшей жены, с которой его не связывало абсолютно ничего.

Как-то он съездил в Смоленск, где жила семья Яна Левандовского, и убедился в том, что блудного сына никто не разыскивает. Это было ему только на руку – наконец-то Алексей мог приняться за осуществление давнишней мечты – уничтожение Беспалова!

Первой его целью было устранение всех тех, кто стоял между ним и империей миллионера. Ведь деньги для Алексея не самоцель, а всего лишь моральная компенсация за долгие годы мучений и страданий. Он отлично знал, что Беспалов сейчас доверяет ему больше, чем кому бы то ни было, и даже скорая смерть Татьяны (Алексей не сомневался, что жена скончается при родах или, возможно, даже раньше) ничего не изменит в их отношениях. Беспалов был крайне подозрительным и недоверчивым, но если уж кому-то доверял, то без оглядки и без единой задней мысли.

Глава 10

Алексей был постоянно в разъездах – требовалось держать под неусыпным контролем не только фабрики в Петербурге, банки в Москве, акционерные общества за Уралом, но также шахты и золотые прииски в Сибири, пароходства на Тихом океане и Черном море и, в дополнение ко всему, некоторые владения Беспалова за границей. В скором времени Алексей составил себе довольно верную картину о размерах империи Афанасия Игнатьевича: тестя зря называли одним из самых богатых людей России. Он был самым богатым!

Татьяна с каждым днем все сильнее привязывалась к мужу – единственному человеку, которого любила и которому могла доверять. Ее больно поразило безразличие Алексея после свадьбы, но она успокаивала себя тем, что муж очень занят, да к тому же она беременна. Ничего, после рождения ребенка все будет иначе.

Алексей тем временем нанял чрезвычайно пронырливого и не менее сомнительного адвоката, которому поручил собрать информацию о трех братьях Беспаловых: Игнате, Кирилле и Василии, причем вызнать всю их подноготную, все их тайны и секреты. Особенно его беспокоил младший, Василий. Алексей видел: Беспалов сначала относился к нему как к юнцу, но, заметив, что сын дает верные советы и отлично разбирается в финансовых делах, поручал ему все более важные задания. Вот уж что не понравилось Алексею, если так пойдет и дальше, то через год-другой Василий станет для отца незаменимым советчиком, и тогда ему самому будет отведена роль мальчика на побегушках.

Одной из возможностей (и Алексей рассматривал ее всерьез) было физическое устранение всех трех братьев, но ее он отверг: слишком опасно. Смерть трех отпрысков миллионера вызовет большие подозрения.

Первой жертвой интриги Алексея стал Игнат – с ним оказалось проще всего. Как узнал адвокат, задеиствовавший продажных французских полицейских и шпииков, старший сын Беспалова предавался в Париже кутежам, тратил отцовские деньги направо и налево, вел себя крайне вызывающе. Но это не могло послужить причиной разрыва между отцом и сыном: Афанасий Игнатьевич хотя и не одобрял праздного, по его мнению, увлечения отпрыска мазней, все же надеялся, что тот наконец-то образумится и вернется в Россию, где займется «настоящим делом».

Пролистав досье на Игната с приложением целого ряда фотографий, Алексей понял, как он разделается со старшим братом. Адвокат по его приказанию послал из Парижа Беспалову телеграмму от имени Игната: «Настал час моего триумфа. Знаю, что ты будешь в Париже. Жду тебя у себя 14 февраля».

Беспалов-старший в самом деле отправился во французскую столицу, чтобы лично присутствовать при переговорах касательно покупки у нескольких разорившихся аристократов их земельных угодий и замков. Как Алексей и ожидал, он вернулся из Парижа в отвратительном расположении духа и первым делом заявил, что у него отныне только два сына – Кирилл и Василий.

– Игнат для меня умер! – бушевал он. – Я немедленно вычеркну его из завещания и лишу ежемесячных выплат! Теперь пускай сам зарабатывает на свою распутную жизнь, даже если он приползет ко мне на брюхе, я не дам ему ни гроша!

А дело было так. Адвокат доложил Алексею, что встреча отца и сына прошла, как и было задумано, 14 февраля. Игнат как раз устраивал у себя карнавал по случаю Дня святого Валентина, и уж кого-кого, а собственного отца он там видеть никак не желал. Беспалов заявился в старинный особняк в Девятом округе в самый разгар празднества и едва не лишился дара речи, попав в пеструю, полуголую, пьяную толпу. Ладно бы, если бы Игнат бездумно тратил отцовские деньги на развлечения, – Беспалов в молодости сам любил куролесить. Ладно бы, если бы Игнат нюхал кокаин и напивался вдрызг, – Беспалов сам мог пить водку ведрами. Ладно бы, если бы Игнат устраивал свальный грех с певичками из варьете или с танцовщицами канкана, – Беспалов сам постоянно обманывал свою супругу, чем и свел ее в могилу. Но такое...

Афанасий Игнатьевич, в тот день войдя в особняк, сначала поразился тому, как сын умеет праздновать, и решил, что Игнат наверняка унаследовал широту натуры от отца. Внимание миллионера привлекла высокая рослая девица в облегающем переливающимся платье. Зазывно улыбаясь, она поманила за собой Беспалова, и они попали в темную комнату. Афанасию Игнатьевичу никогда не требовалось повторять приглашение дважды, и он уже всю лапал смазливую француженку: не отказываться же, в самом деле, от приключения на дармовщину, тем более если дама сама того хочет.

Велико же было удивление, возмущение и негодование Беспалова, когда, повалив размалеванную французскую девицу на кровать и задрав ей платье, он вдруг понял, что никакая это вовсе не девица, а мужик, и болтавшееся между его ног немалых размеров естество красноречиво о том свидетельствовало. Бабахнув содомита промеж глаз пудовым кулаком, Беспалов, крестясь и матерясь, натянул штаны и выскочил как ошпаренный из комнаты. И тут-то он понял, что на срамном празднике сыночка нет ни единой женщины, а те, которых он принимал за таковых по причине дамского облачения, на самом деле были грешниками мужского полу. Одним словом, в особняке Игната занимались тем, что, согласно библейскому преданию, практиковалось в Гоморре и вызвало гнев Господень.

Отшвыривая полуголых, а то и вовсе голых, размалеванных, украшенных перьями или золотистыми да серебряными блестками парней, Беспалов взбежал по лестнице вверх, разыскивая своего непутевого сына, – и застал его в спальне, в компании с двумя иродами, совершавшими такое, от чего глаза у Афанасия Игнатьевича на лоб полезли, нижняя челюсть отвисла, а борода встопорщилась.

Беспалов перекрестился и попятился назад; Игнат, завидев отца, ойкнул; два ирода нежно залопотали по-французски. Афанасий Игнатьевич схватил стоявшую на мраморной колонне вазу льежского фарфора и швырнул ее в гнусную троицу – ваза шмякнулась об стену и разлетелась на мелкие осколки.

– Рара, я тебе все сейчас объясню! – закричал Игнат, спрыгивая с кровати.

Беспалов подскочил, как будто к нему двигался нечистый дух, и заявил:

– Вот что скажу я тебе, окаянный, – больше нет у меня старшего сына!

– Но, рара... – не терял надежды образумить родителя Игнат. Однако Афанасий Игнатьевич с небывалой силой толкнул своего первенца в грудь, и тот полетел на пол. А миллионер выскочил из спальни, отталкивая попадавших на своем пути молодчиков. Ему хотелось одного – как можно быстрее покинуть сатанинский вертеп.

Игнат попытался связаться с отцом, остановившимся в отеле «Риц», – Беспалов не пожелал его видеть. Он никак не мог забыть кошмарную сцену в спальне. Вернувшись в Петербург, Афанасий Игнатьевич громогласно объявил о том, что тот, кто посмеет произнести при нем имя его старшего сына, будет также лишен наследства.

Алексей был более чем доволен: он так и предполагал, что Беспалов, узнав о неестественных наклонностях Игната, тотчас отринет сына. Значит, осталось расправиться с двумя другими конкурентами – Кириллом и Василием. А затем и с самим стариком. Вот здесь без насильственных смертей уже не обойтись...

Роды у Татьяны планировались на середину июля, однако ребенок появился на свет на два месяца раньше положенного, у роженицы началось кровотечение, она впала в беспамятство. Алексей все ждал: вот-вот случится то, к чему он уже давно исподволь готовился, – жена и младенец скончаются.

Но произошло нечто, никак не согласовавшееся с его планами, – и Татьяна, и новорожденный мальчик остались в живых, хотя оба находились долгое время в смертельной опасности. Врачи заявили, что Татьяне невероятно повезло, но больше стать матерью она не сможет. Старик Беспалов был на седьмом небе от счастья оттого, что у него появился первый внук, и безмерно огорчен тем, что

любимая Танечка более не в состоянии дать потомство.

Алексей отнесся к факту рождения ребенка безразлично, даже с некоторой безразличностью: мужицкая кровь Беспаловых дала знать о себе, Татьяна с ребенком выжили. Первый раз взглянув на крошечного, синюшного карапуза, Алексей внезапно почувствовал укол совести, – ведь мальчик ни в чем не виноват! И, помимо всего прочего, это его собственный сын!

Ребенка нарекли Павлом. Вообще-то Беспалов очень хотел назвать его Глебом в честь своего деда, но Алексей заявил: Татьяна высказывала желание дать сыну имя Павел. Женщина находилась в то время между жизнью и смертью, и Алексей рассчитывал в ближайшие дни, если не часы, стать вдовцом. Он не желал, чтобы его ребенок носил имя деда Беспалова. Нет, если мальчику суждено выжить, пусть он станет Павлом – в честь своего деда по отцовской линии!

Татьяна, справившаяся с большой кровопотерей и послеродовой горячкой, была крайне рада появлению на свет ребенка, и ей было все равно, как его зовут, поэтому, когда отец спросил ее, она с радостью подтвердила: да, имя Павел выбрала она.

Так и появился на свет Павел Янович Левандовский, который в действительности должен был именоваться Павлом Алексеевичем Спасовичем. Беспалов закатил пир горой, празднуя рождение внука.

Алексей же вскорости завел постоянную любовницу, актрису одного из столичных театров, снял рыжеволосой страстной Любочке небольшую уютную квартиру и обставил ее с потрясающим безвкусием. Там он и навешал свою пассивность два или три раза в неделю, получая от нее то, что Татьяна была не в состоянии дать ему.

А тем временем неустанно работал над следующим актом драмы – ему требовалось избавиться от двух других шуринов. Досье, собранное ретивым адвокатом на Кирилла, не содержало никаких особо компрометирующих фактов. Ну, посещает бордель, ну, играет в рулетку, ну, наделал долгов, которые скрывает от отца: Все это не годилось: визиты в публичный дом Афанасий Игнатьевич если не поощрял, то после скандала со старшим сыном считал проявлением здоровой мужской силы; казино терпеть не мог, однако сам

являлся владельцем трех подобных заведений; делающих долги считал тупицами, но исправно выкупал векселя своих сыновей.

Требовалось что-то иное, грандиозное, сногшибательное, и Алексей наконец-то понял, что именно. Узнав о страсти Кирилла к полноватым блондинкам, он подготовил ему сюрприз в виде Аси, роковой красавицы, раньше торговавшей телом на улице, а потом перешедшей в разряд содержанок. Ася была во вкусе Кирилла, так что девице в два счета удалось охмурить молодого Беспалова и не только уложить его в свою постель, но и влюбить в себя.

Накачанного спиртным Кирилла и Асю обвенчал продажный священник, и девица легкого поведения стала мадам Беспаловой. Кирилл, протрезвев, ужаснулся, однако Ася уверяла его, что вступить в брак была его идея, – сам же Кирилл ничегошеньки не помнил.

Он был вынужден скрывать от отца факт женитьбы, – Беспалов никогда бы не одобрил его выбор. Но сам факт наличия жены из разряда шлюх не мог привести к разрыву с отцом, поэтому Алексей продолжал плести интригу.

По его наущению Ася настояла на том, чтобы сопровождать своего мужа в поездке по Европе, куда тот отправился по отцовскому распоряжению. Зная о страсти Кирилла к игре, а также к алкоголю, девице не составило труда затащить его в одно из казино в Баден-Бадене, где молодой человек до такой степени вошел в раж, что просадил все деньги, к которым имел доступ, – почти полмиллиона рублей.

Но и колоссального проигрыша было еще недостаточно, – Беспалов, конечно же, очень рассердится, когда узнает о растрате такой значительной суммы, но не более того. Чтобы скрыть от старика потерю полумиллиона, Кириллу требовался срочный кредит, а в Баден-Бадене тут как тут оказался юркий господин Моцкин, предложивший тотчас выплатить Кириллу эту огромную сумму в обмен на вексель.

Кирилл, боясь гнева отца, согласился и поставил свою подпись под финансовым документом, не подозревая, что за Моцкиным в действительности стоит Алексей, ставший таким образом займодавцем среднего сына Афанасия Игнатьевича.

Вернувшись из европейского турне, Кирилл презентовал отцу заключенные договоры, чему старик был очень рад. Алексею же оставалось только выждать около месяца, а затем отправить Моцкина к Кириллу с требованием немедленно погасить вексель, – сумма к тому времени увеличилась до шестисот тысяч.

Кирилл имел продолжительный и чрезвычайно бурный разговор со своим кредитором, и тот пригрозил, что, если молодой человек не выплатит долг, он тотчас обратится не только к его отцу, но и к прессе. Более всего Кирилл опасался опозорить славное имя Беспаловых, поэтому вернул долг, для чего залез в активы нескольких банков, управление которыми было доверено ему отцом.

Дверца мышеловки захлопнулась в тот момент, когда Алексей получил документы, в коих черным по белому значилось: Кирилл обокрал родного папашу. А через день в особняк к Беспалову-старшему заявила Ася, пожелавшая познакомиться со своим свекром. Афанасия Игнатьевича едва не хватил удар, когда он лицезрел вульгарную, громко смеющуюся особу, уверявшую, что она – жена его сына Кирилла. Миллионер хотел было выставить за дверь наглую потаскушку, но та предъявила ему свидетельство о церковном браке. Афанасий Игнатьевич побледнел и почувствовал тупую боль в сердце.

– Так что, милый папочка, я теперь одна из вас! – заявила, разваливаясь в кресле, Ася. – Как тут у вас хорошо! Вы ведь не имеете ничего против, если я перееду к вам насовсем?

И тем же вечером, когда Афанасий Игнатьевич уже планировал в мыслях серьезный разговор с сыном, по почте пришел увесистый пакет, адресованный лично Беспалову-старшему. Вскрыв его, миллионер обнаружил стопку документов, доказывавших, что Кирилл обокрал отца, запустив лапу в активы нескольких банков. Прилагались и настоящие векселя на полмиллиона, а также выполненные гравером-фальшивомонетчиком подделки общей суммой на два с лишком миллиона.

У Афанасия Игнатьевича зазвенело в ушах, а перед глазами заметались черные мушки, когда он увидел эти бумаги. В дверь кабинета постучали – появился Кирилл, пребывавший в отличном расположении духа.

Заметив сидевшую в кресле Асю, молодой человек растерялся. А лицезрев отца с безумным взором, перекошенным ртом и вздувшимися на шее жилами, Кирилл перепугался. Потрясая бумагами, Беспалов так дико заорал, что Ася в ужасе закрыла ушки ладонями и выбежала прочь из кабинета.

– Ты опозорил меня! – кричал Беспалов. – Женился без моего благословения на шлюхе! Наделал колоссальных долгов! И обокрал своего собственного отца!

Кирилл пытался оправдаться, но Беспалов, вошедший в раж, и слушать не желал его. Швырнув векселя в лицо сыну, он заявил:

– Убирайся прочь! Живи теперь со своей кокоткой как знаешь, но от меня ты ничего не получишь, потому что не сын ты мне отныне! Не собираюсь выплачивать твои долги, сам с ними разделяйся!

Напрасно Кирилл пытался взывать к жалости Беспалова – отец спустил его с лестницы.

А через три дня разнослась печальная весть – Асю и Кирилла нашли мертвыми в их квартире: смерть наступила от отравления угарным газом – то ли несчастный случай, то ли коллективное самоубийство. Полиция, на которую Беспалов оказал невероятное давление, замяла дело, и было официально заявлено, что причиной гибели Кирилла и его пассии (о том, что Ася является законной женой, не было ни слова) послужил неисправный дымоход камина.

Беспалов сразу же постарел лет на десять – смерть сына, некогда горячо любимого, была для него тяжелым ударом. Но более всего его угнетало предательство Кирилла – он обокрал родного отца, а затем покончил с собой, не видя другого выхода из сложившейся ситуации.

Конечно, старик не имел представления, что вечером накануне гибели Кирилла и Аси у них побывал невзрачный тип, нанятый Алексеем. Он и убил среднего сына Беспалова и шлюху, которая слишком много знала и начала даже шантажировать своего нанимателя, требуя денег и обещая в противном случае рассказать обо всем Афанасию Игнатьевичу.

Оставался Василий, последний и особенно любимый сын Беспалова, его надежда и гордость. Несмотря на юный возраст, Василий обладал поразительным чутьем и редкостной деловой хваткой. Провести на мякине его было невозможно: вредных привычек у него не было, в казино он не играл и никогда бы не посмел взять хотя бы полушку, принадлежащую отцу.

Алексей понимал, что Василий для него – чрезвычайно опасный конкурент. Кроме того, тот несколько раз открыто заявлял, что не верит ни в несчастный случай, ни в самоубийство Кирилла. Затем совершенно случайно Алексей узнал, что Василий обратился в известное петербургское сыскное агентство, прося возобновить расследование и докопаться до истинных причин смерти Кирилла и Аси. О результатах расследования Василий сам сообщил Алексею. Произошло это угрюмым декабрьским вечером, примерно за неделю до наступления нового, 1913, года. Василий высоко ценил Алексея и считал его даже в чем-то образцом для подражания. Они беседовали в библиотеке особняка Алексея и Татьяны. Жена и ребенок хозяина дома давно спали.

В камине потрескивали поленья, за окнами бушевала метель и выл ветер. Василий начал издалека:

– Ян, ты – единственный человек, с которым я могу говорить по душам. Раньше у меня было два брата, теперь же не осталось ни одного. Общаться с Игнатом отец запретил, а Кирилла нет в живых.

Алексей в беспокойстве взглянул на юношу: интересно, он догадывается о чем-нибудь?

– Речь о смерти брата, – приступил к волнующей его теме Василий. – Отец не захочет меня и слушать, потому что он все еще зол на покойного, но ты сможешь оценить значимость информации, оказавшейся в моем распоряжении. По моей просьбе лучшие петербургские частные сыщики провели новое, независимое расследование.

Закурив сигарету, Алексей, скрывая беспокойство, заявил:

– Если Афанасий Игнатьевич узнает об этом, то тебе несдобровать.

– Если он узнает о том, что мне известно, то отец переменит свое отношение к Кириллу, – ответил Василий. – К примеру, сыщики установили, что он собирался в день, когда его нашли мертвым, отправиться на поезде в Париж, оттуда в Лондон, чтобы отплыть на пароходе в Америку. У него уже имелись билеты и была забронирована каюта – одноместная. Не правда ли, странно, что он вдруг решил покончить с собой, если, по всей видимости, собирался начать новую жизнь?

– Ну, во-первых, человек всегда может поддасться воздействию сиюминутного настроения, – произнес Алексей, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более непринужденно, – во-вторых, произошедшее в самом деле могло быть несчастным случаем, в-третьих, Кирилл был наверняка пьян и не знал, что делает...

– Вот тут ты ошибаешься, Ян, – покачал головой, подходя к камину, Василий. – Я приказал эксгумировать тела моего брата и его жены...

– Что ты сделал? – изумился Алексей, привставая с кресла. – Афанасий Игнатьевич проклянет тебя, если узнает...

– Как он узнает, если это известно только тебе да мне? – замер на месте Василий. – Я пока не собираюсь ставить его в известность о своих изысканиях, а на твое молчание я ведь могу рассчитывать, не так ли?

– Конечно, – заверил его Алексей, понимая, что момент упущен, – если довести до сведения Беспалова, что Василий приказал вырыть из могилы своего мертвого братца, то будет ясно, что сделать это мог всего один человек: сам Алексей.

Резко развернувшись, Василий сказал:

– И один из самых опытных патологоанатомов империи провел вскрытие, благо что тела отлично сохранились в мерзлой земле. Наука идет семимильными шагами вперед, прогресс не остановить. В том числе и в области криминалистической медицины. Это раньше убийцы могли оставаться непоиманными, а теперь появилось великое множество методов докопаться до

истины. Так вот, вскрытие установило: мой брат и его Ася действительно скончались оттого, что надышались угарным газом.

– Ну вот видишь, – произнес, едва сдерживая радость, Алексей, – а ты сомневался!

– Но сначала в их организме каким-то образом очутилось огромное количество веронала, – продолжил, игнорируя его восклицания, Василий. – Так что мой брат и его жена были убиты. Кто-то намеренно опоил их сильнодействующим снотворным, подмешанным, скорее всего, в вино, а затем, после того, как они потеряли сознание, инсценировал несчастный случай.

– С чего ты взял? – спросил, холодея, Алексей. Ему-то было прекрасно ведомо, что так оно и было.

– Известно ли тебе, Ян, что Джек Потрошитель, знаменитый кровавый монстр из лондонского Уайтчепеля, лишивший жизни шестерых шлюх, а возможно, и гораздо большее количество людей, был бы легко пойман, твори он свои бесчинства нынче, в 1912 году? – произнес Василий. – Полиция не вышла на его след тогда, в 1888 году, четверть века назад, вовсе не по причине невероятного ума преступника или его изворотливости, а из-за того, что не обладала возможностью анализировать все улики, имевшиеся в ее распоряжении. Он оставил массу отпечатков пальцев, имелись частицы его кожи и даже кровь, – думаю, когда-то полиция сможет использовать и это тоже для идентификации преступника. Но сейчас достаточно одних отпечатков, дабы изобличить злодея.

– Что ты хочешь сказать? – произнес Алексей, всматриваясь в бледное лицо Василия.

– Над дымоходом кто-то потрудился, чтобы сделать его неисправным, – пояснил Беспалов-младший. – И тот человек оставил отпечатки пальцев, Ян! Более того, они обнаружили в полицейской картотеке, – типом, копошившимся в камине, был некий Дормидонт Севастьянович Ужиков, известный в криминальном мире Петербурга под кличкой Уж. Отпечатки Ужа нашлись и на дверной ручке, и на бокалах, и на бутылке с вином в квартире Кирилла. Уж раньше специализировался на кражах со взломом и хулиганстве, а в последнее время вроде бы стал наемным убийцей...

– Наемным убийцей? – протянул Алексей, наливая себе коньяку и изо всех сил стараясь сохранить невозмутимый вид. – Хочешь промочить горло? Наемный убийца, надо же... Прямо как в приключенческих романах Луи Буссенара, что ли?

– Нет, Ян, благодарю, – ответил Василий. – Да, наемным убийцей. Это не простые преступники, приканчивающие свои жертвы из-за угла, желая поживиться их кошельком, а типы, выполняющие заказы богатых клиентов, которые не хотят марать руки собственноручно, для чего нанимают бессовестных и алчных субъектов наподобие Ужа.

– Мне кажется, ты начитался детективных повестей мистера Конан Дойля, месье Мориса Леблана и иже с ними, – заявил с легкой усмешкой Алексей. – Твой брат якшался с представителями уголовного мира, не исключено, что он знал этого самого, как ты говоришь, Ужа, и тот бывал у него дома...

– И Уж заложил дымоход таким образом, чтобы угарный газ оставался в комнате? – перебил его Василий. – Нет, Уж является убийцей моего брата и Аси. Кстати, девица тоже вызывает большие подозрения – она хвасталась подружкам, что некто заплатил ей большую сумму, дабы она вышла замуж за «богатого красавчика», как она выразилась. Говорил я и со священником, обвенчавшим Кирилла и Асю, – ему было заплачено три сотни наличными, дабы он немедленно обвенчал моего брата, под завязку накачанного алкоголем, и эту особу.

Алексей дернулся и спросил:

– И кем же именно заплачены? Твои сыщики уже выяснили?

– Пока нет, но они работают в данном направлении, – признался Василий. – Картина складывается следующая: некто так ненавидит наше семейство, что прикладывает все усилия, дабы уничтожить его. Сначала скандал с Игнатом...

– Твой отец застукал Игната в постели с... уранистами, – вставил Алексей. – Неудивительно, ведь он сам таковым и является.

– Да, все так, – кивнул Василий. – Я давно подозревал, что с Игнатом что-то неладно, но отчего отец вообще оказался тогда у него на вилле в самый разгар непотребного действия? Вроде бы Игнат послал ему телеграмму, прося зайти к

нему для серьезного разговора. Но Игнат ничего подобного не делал! Я разговаривал с ним, и он поклялся, что последнее, чего он желал, так это увидеть отца у себя в особняке во время разнузданной вечеринки.

- Ты встречался с Игнатом и говорил с ним? - удивился Алексей. - Но Афанасий Игнатьевич строго-настрого приказал не поддерживать с ним контакта...

- Когда отец поймет, что стал жертвой врага, то простит мне то, что я нарушил его запрет, - сказал Василий.

- Врага? - протянул Алексей.

Он почувствовал резкую боль и отшвырнул сигарету, заметив, что она сгорела до фильтра. Он с таким увлечением слушал Василия, что не обратил на это внимания. Слушал, как тот разоблачает его козни!

- Да, врага, - энергичным наклоном головы подтвердил Василий. - Причем врага, готового на любые преступления ради уничтожения нашего семейства. Думаю, что и покушение на отца бомбистов, и крушение поезда, когда пострадала Танюша, - звенья одной цепи. Только благодаря счастливой случайности ты, Ян, дважды вмешался - сначала спас жизнь отца, затем Тани.

У Алексея отлегло от сердца: юноша, раскрыв тайные детали и сделав правильные выводы, свернул на ложную тропинку. Он не подозревает, что враг, которого он так страстно желает найти и покарать, сидит перед ним.

- Да, думаю, ты прав, - после недолгой паузы произнес Алексей. - Уж слишком много несчастий обрушилось на ваше... на наше семейство за столь короткий срок. Ты уже имеешь представление, кто может скрываться под личиной врага?

- Пока нет, но я попытаюсь установить, - заверил его младший Беспалов. - Отец многим перешел дорогу, поэтому на него могли затаить злобу десятки, а то и сотни людей. Понадобится время, чтобы перетрясти их всех.

Итак, мальчишка понял! Алексей поежился - ему стало холодно, даже несмотря на то, что в камине полыхало яркое пламя. Рано или поздно Беспалов-младший наткнется на имя профессора Спасовича - и его ждет большое разочарование.

Он узнает, что сын профессора погиб при несчастном случае. И Василий останется с носом!

– Ян, ты ведь учился вместе с Алексеем Спасовичем? – спросил вдруг Василий.

Алексей резко поставил бокал с коньяком на стол:

– С кем?

– С сыном профессора органической химии Петровской академии в Москве, Павлом Алексеевичем Спасовичем, – продолжал молодой Беспалов. – Сыщики по моему заданию проверили: Алексей учился вместе с тобой. После смерти родителей его взяли на воспитание директор гимназии Арбенин и его жена, однако оба умерли.

Алексей, словно припоминая, пробормотал:

– Алексей Спасович... Ну да, после того, как ты мне сейчас сказал, я вспомнил его. Действительно, он учился вместе со мной в университете. Невзрачный, малопрятный тип. А с чего ты его поминаешь?

– Рост благосостояния моего отца начался именно с появлением на рынке нескольких изобретений, сделанных профессором Спасовичем, – пояснил Василий. – Отец, боюсь, обошелся с профессором не по-джентльменски, обманул его.

– Василий, будем откровенны: Афанасий Игнатьевич не особо щепетилен в подобных вопросах, так что не один профессор Петрович, или как его там, стал жертвой его хватки и изворотливости, – заметил с деланным смешком Алексей, чувствуя, как его начинает пробирать дрожь.

– Ты прав, Ян. Но сын профессора Спасовича пытался в прошлом году получить место на одном из заводов отца, в архиве осталась его заявка, – сказал Василий, – однако предпочтение было оказано тебе, как обладателю наилучших рекомендаций.

Алексей на мгновение замер. Затем поднялся из кресла, прошелся перед камином, заложив руки за спину и боясь более всего, что Василий заметит, как сильно они дрожат. Чертов мальчишка! И как он сумел до всего докопаться?

– Только Алексей Спасович был сбит автомобилем, причем не когда-нибудь, а в день покушения на отца, – продолжил Василий.

– Ах, неужели? – произнес, зевая, Алексей. – Жаль, конечно, но ведь у каждого своя судьба.

– Да, ты прав, – подтвердил Василий. – Только не дает мне покоя тот факт, что молодой человек, семья которого была разрушена страстью моего отца к наживе, пытался проникнуть на один из наших заводов. Зачем? Уж не для того ли, чтобы учинить диверсию или, более того, привести в исполнение план изощренной мести? А что лучше для подобного замысла, чем превратиться официально в мертвеца.

– Уж не думаешь ли ты, что профессорский сынок на самом деле жив? – поинтересовался Алексей.

– Проверить это не мешало бы, – ответил Василий, – у тебя ведь осталась фотография вашего выпуска?

– Нет, затерялась, – сказал Алексей, ощущая, как исчезнувший было страх снова растекается по его телу. – А зачем она тебе?

– Хотелось бы взглянуть на Спасовича. Кто знает, может, он окопался где-то под носом, например, служит у нас кучером или слугой, – сказал Василий. – Поэтому я велел сыщикам разыскать твоих однокашников. Хотя бы у одного, но должно отыскаться изображение этого Алексея.

Алексей, кашлянув, заметил:

– Прекрасная мысль, Василий. Ну и как, кто-нибудь уже откликнулся?

– Я говорил с сыщиками только сегодня утром, они сказали, что им понадобится несколько дней, дабы выполнить мое поручение, так что не беспокойся, Ян, к

концу недели мы будем знать, стоит ли работать и далее в этом направлении, или Алексей Спасович – ложный след. Однако ты знал его лично. Каким он был из себя?

– Замкнутый, странноватый тип, но безобидный, – заявил без промедления Алексей. – Могу тебя уверить, что он точно никогда бы не решился мстить. Да и мне кажется, он ничего толком не знал о судьбе своего застрелившегося отца, об умерших от болезни сестренке и братишке и о матери, сбитой телегой.

– Гм, а ты преотлично осведомлен о его семейной трагедии, – проронил Василий. – Что доказывает: Алексей знал о судьбе родителей и рассказывал о ней товарищам. Следовательно, это играло для него важную роль.

Проклиная себя за оплошность, Алексей смолк.

– А какая у него была внешность? – спросил Василий.

– Да самая обыкновенная, – ответил Алексей. – Долговязый, нескладный, светловолосый, кожа нечистая, изрытая угрями, глаза водянистые, навывкате...

Он описывал Василию подлинного Яна Левандовского, потому что понимал: как только сынок Беспалова получит фотографию от одного из бывших однокурсников, то сразу найдет на ней Алексея (и примет его за Яна), а вот про настоящего Яна решит, что он и есть искомый Алексей.

– Нет, я бы непременно узнал Спасовича, если бы вдруг выяснилось, что он не погиб под колесами автомобиля, а работает у нас в особняке или на одном из заводов, – уверил Алексей. Покоя ему не давала одна простая мысль: а что, если какой-нибудь из бывших студентов ткнет пальцем в фотографию и скажет, кто есть кто? Тогда все станет на свои места, и Василий тотчас поймет: Спасович, он же Левандовский, муж его сестры Татьяны!

– В любом случае скоро все прояснится, – добавил Василий. – Уж, совершивший убийство Кирилла и Аси, находится сейчас вроде бы не в столице, но его упорно ищут. И он как миленький выложит всю правду, едва окажется в руках полиции.

«И поведает о господине, заплатившем ему две тысячи за то, чтобы убить Кирилла Беспалова и его жену. Правда, Уж не видел моего лица, я был осторожен, однако он все равно опасный свидетель», – думал Алексей. И тут же вспомнил – после встречи с Ужом он вышел на улицу, где его ждал экипаж, и опустил воротник, скрывавший лицо, однако, почувствовав чей-то пристальный взгляд, подчиняясь неведомому импульсу, поднял голову и заметил Ужа, стоявшего у окна и беззастенчиво рассматривавшего его оттуда. Было темно, да и шел дождь, однако кто гарантирует, что Уж не разглядел его лица. А если так... то убийца прямиком выведет Василия на него!

– Ты должен знать, что можешь на меня рассчитывать, – заявил Алексей, подходя к камину, подхватывая кочергу и вороша ею догорающие поленья. От Василия надо немедленно избавиться, но как? Размозжить ему череп прямо тут, в библиотеке, кочергой? А что делать с трупом, со слугами, которых полно в доме, с забрызганными кровью стенами и ковром?

– Мне стало намного легче, Ян, после того, как я поговорил с тобой, ведь ты единственный, кому я могу безгранично доверять, – промолвил Василий. – Пока у меня не будет в руках бесспорных доказательств, я ничего не расскажу отцу. Танечке же докучать, разумеется, не стану, у нее ребенок, да и не женское это вовсе дело. С Игнатом я никогда не ладил, да он ничем и помочь не может. Поэтому я обратился за советом к тебе, Ян.

– И совершенно правильно сделал, – ответил Алексей.

Василий поднялся, прощаясь. Алексей подавил в себе желание пришибить молодого человека кочергой и, когда тот ушел, сел за стол, обхватив голову руками. Еще немного, и его разоблачат. Что же делать?

Старинные часы, жужжа и звеня, гулко пробили полночь, и Алексей принялся прикидывать возможности, разрабатывая план того, как в течение одного, максимум двух дней избавиться от Василия.

За размышлениями он провел целую ночь, перебирая великое множество разнообразных вариантов, и только под утро ему пришло в голову простое и элегантное решение. Ему понадобится отправить только одно письмо – и судьба Василия будет решена. Алексей взял чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернила и вывел корявым почерком: «Милостивый государь Егор Дмитриевич! Настоящим спешу уведомить Вас о том, что Ваша супруга, к великому сожалению, не блюдет верность по отношению к Вашей персоне. Подозревая ее в измене, Вы оказались правы. В силу обстоятельств я не могу раскрыть своего имени, да оно и не важно. Понимаю, что Вы немедленно потребуете от супруги своей объяснений, однако предвижу, что она будет все отрицать, и не ее тут вина – она станет пытаться выгородить того человека, что соблазнил ее и вмешался в Вашу размеренную и, смею предположить, счастливую семейную жизнь. Наверняка Вас занимает вопрос, кто же он, тот бесчестный человек, что наставляет Вам уже почти полгода рога? Охотно назову Вам его имя – сим сладострастником, который открыто похваляется в обществе Вашим позором, своей победой над Вашей супругой и распространяет интимные детали встреч с Вашей женой, смакуя их, является не кто иной, как младший сын господина Беспалова, Василий Афанасьевич. Не далее как вчера он трепал Ваше имя и имя Вашей жены, намекнув даже, что ее беременность – плод никак не Ваших, а его усилий в будуаре. Постоянно выслушивать подобную браваду мне нетерпимо, поэтому и считаю нужным довести сию грязную историю до Вашего сведения. Подчеркну, что жена Ваша ни в чем не виновата, а ответственность полностью лежит на господине Беспалове-младшем, воспользовавшемся сиюминутной слабостью Вашей супруги и склонившем ее к измене Вам. Жена Ваша уже несколько раз порывалась бросить Василия Беспалова, однако он угрожал ей в таком случае рассказать обо всем принародно и тем самым вывалить ваше семейное имя в грязь. Надеюсь, милостивый государь Егор Дмитриевич, Вы примете правильное решение и положите конец столь дурно пахнущей истории и мерзким проделкам сына миллионера. Доброжелатель».

Перечитав письмо, Алексей остался им чрезвычайно доволен. Вложил лист в продолговатый конверт, запечатал его и сделал наверху приписку: «Господину генералу Егору Дмитриевичу Полянскому в собственные руки. Речь идет о Вашей супруге».

Что ж, Полянский немедленно прочтет письмо, тут уж Алексей не сомневался.

Он вышел из кабинета и увидел Татьяну – даже дома жена ходила в большом чепце с вуалью, прикрывавшей ее изуродованное лицо.

– Милый Ян, тебя не было всю ночь, – сказала она и подошла к мужу.

Алексей, даже не пожелав супруге доброго утра, равнодушно ответил:

– У меня срочное дело, но к завтраку я вернусь.

Татьяна замерла, беспомощно уставившись на мужа, но тот сделал вид, что не заметил этого. Лакей принес ему шубу, и Алексей вышел из дома. С неба падали снежинки, зима обещала быть знатной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От лат. «ради почета», то есть без представления диссертации.

2

С наивысшим отличием (лат.).

3

Внушительная (фр.).

4

Чрезвычайно глупо (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/leont-ev_anton/kod-odinochestva

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)